

Меч равновесия

книга первая

16+

Константин КУРАЛЕНЯ

Константин Кураленя

Меч равновесия

«ЛитРес: Самиздат»

2015

Кураленя К.

Меч равновесия / К. Кураленя — «ЛитРес: Самиздат», 2015

Роман «Меч равновесия» - новая книга Константина Кураленя в серии исторических авантур «Великое кочевье». Герою романа капитану хабаровской милиции Павлу Горюнову, работавшему в 1995 году в отделе по расследованию убийств, предстоит «дальняя» командировка в... Гуннское государство конца I века нашей эры. Пожалуй, самое удивительное в этой истории то, что его там ждали, точнее ждала королева Тина, внучка царя Аттилы, отца гуннского народа

Содержание

7 глава	27
8 глава	30
9 глава	38
Конец ознакомительного фрагмента.	41

1 глава

Аттила – по прозвищу Бич Божий, царь гуннов. Сначала царствовал с братом, но после убийства последнего – один, с 455 года после Рождества Христова. Несмотря на дикость, обна- руживал известное достоинство; образовал мощный союз, куда вошли гунны, остготы, герулы и другие... В 453 году женился на бургундке Ильдеко, которая в первую же ночь убила его, мстя за гибель своего народа. По смерти Аттилы гуннское царство утратило своё могущество.

По материалам Энциклопедического словаря С.-Петербург. Изд. П.П. Сойкина. 1901г.

Всё было кончено. Она поняла это ещё прошлой ночью. Слегка сутулясь, к ней в шатёр вошёл командир её личной стражи Грут и, отводя в сторону взгляд, виноватым голосом сооб- щил, что их союзники скрытно покидают лагерь, унося провиант и то немногое, что осталось из оружия. Тихо снялась и ушла тысяча аваров Кунчака, бесследно исчезли две сотни степня- ков Мусокия. В скором времени они либо окажутся в стане противника, либо разбредутся по степи, пополнив собой бесчисленные шайки разбойного люда, коих за годы смут и войн раз- велось, словно блох в лохмотьях невымытого наёмника. Воззвание Курвата делало своё грязное дело. Не вражеские стрелы, не мечи храбрых всадников вырывали из рядов некогда сплочён- ной её армии отважных воинов. А жалкий клочок пергамента, который и прочесть-то мог один из сотни, делал своё грязное дело, истребляя ряды её сторонников.

Кто бы мог подумать ещё пять лет назад, когда был жив её отец, потомок великого короля Аттилы, что это богатое и сильное своим войском и полководцем государство падёт под нашествием полчищ хазар. Каган Кур- ват, войдя в силу, возжелал жить своей волей. Смерть последнего из правителей гуннов развязала ему руки. В стране началась вакханалия. Кагану выпала возможность освободиться от невыносимой и оскорбительной опеки тюркского кага- ната и создать свою державу. Надо лишь забрать власть из рук у наследницы – молоденькой и глупой королевы Тины.

Самый простой и бескровный путь – это женитьба, затем порабощение и жестокое подав- ление всяких вылазок свободолюбивого народа. Молодая королева была красавицей, любого мужчину, видевшего её, охватывало нестерпимое желание безраздельно владеть прекрасным, созданным богами для любви, телом. Однако девчонка оказалась строптивой. Она не пожелала любви грозного властителя, а решила сама управлять доставшимся ей наследством. Обозлён- ный отказом, каган со своими ту- менами вторгся в благодатный и цветущий край. Исход наг- лого вторжения, казалось, был предрешён. Королева Тина ещё не обладала искусством прав- ления искусённого в интригах царедворца, и, тем более, не имела военного опыта полководца. Она была просто женщиной, но женщиной с волевым, упрямым характером и чистой душой. Женщиной, умевшей удары судьбы и жизненные невзгоды переносить стойко, и не желавшей становиться игрушкой в руках дикого степняка.

В начале войны её воины достойно отражали атаки хазарских сотен. Сумели одержать две победы, и были полны решимости продолжать борьбу. Однако Курват, как и подобает хитрому и прожённому интригану, сыграл на людской алчности и предательстве. И, как результат, развал и деморализация войск вихрем промчались конницей диких варваров по владениям молодой королевы. Затем последовал ханский указ о том, что воины, добровольно перешедшие к нему на службу, будут пользоваться всеми привилегиями наравне с его воинами, равно как их родные и близкие... Противостоять хазарским захватчикам стало некому.

Грут после доклада, так и не дождавшись никаких приказов своей госпожи, нереши- тельно пятясь, вышел из шатра. Тина сидела в облачении воина гвардейской охраны. Шлем и кольчуга лежали рядом. От света мерцающего факела, её распущенные по плечам чёрные волосы переливались золотисто-оранжевыми волнами.

Две сотни оставшейся при ней личной охраны были практически заперты на горе. У подножия, вблизи единственного удобного спуска с горы, расположился каган Курват со своим

многотысячным войском. Действий он не предпринимал никаких, ожидая, когда неприступная горячка будет сломлена осадой и сама войдёт к нему в шатёр.

Королева Тина обдумывала варианты выскользнуть из ловушки, но все они оказывались тупиковыми.

Наложницей у Курвата она не станет ни при каких обстоятельствах. Тину передёрнуло от мысли, что с ней будет тогда творить новоявленный повелитель. «Уйти» от кагана «простым путём» – покончив собою... Это совершится в тот час, когда не будет иного выхода. Тогда, и только тогда смогут увидеть её полёт со скалы бешеные собаки Курвата... Ещё один выход – это коллективное самоубийство. Если ночью обеими сотнями обрушиться на головы самоуверенного врага. У оставшихся в живых будет шанс уйти...

Тина окликнула часового. В шатре появился молодой воин.

– Вызови ко мне Грута.

Часовой ушёл выполнять распоряжение госпожи. Она вспомнила его имя – Осян. Отличный стрелок из лука. Ловкий и сильный воин. Да и мужской красотой не обижен... Непроизвольно улыбнулась своей мысли Тина. Среди двух сотен её телохранителей, пожалуй, сложно найти лучше. А ведь каждый из них искусство ведения боя впитывал вместе с молоком матери. Впрочем, как и беззаветная преданность своему повелителю. Такой боец, безо всякого преувеличения, в бою стоил десятка опытных воинов. Такому мастерству их начинали обучать едва они вставали на ноги, а езде на лошади ещё до того. Это была личная дружина короля.

– Разреши, королева? – в шатёр просунулась голова Грута.

– Входи, – вздохнула девушка. – Будем решать свою дальнейшую судьбу. Тянуть дальше нет смысла. Что ты можешь мне посоветовать? Только одно могу сказать сразу, что в наложницы к Курвату я не пойду – лучше смерть. Но это тоже выход, потому, что моя смерть обернётся для вас жизнью. Хан с радостью возьмёт таких воинов на службу.

– Ваше Высочество! – подчёркнуто официально обратился к своей королеве командир отряда телохранителей Грут. – Я верой и правдой двадцать лет служил вашему отцу, за что же такая немилость?

– Я просто не нахожу выхода.

– Выход есть всегда. Даже погибнуть с честью для воина – тоже выход.

– Милый мой верный Грут, просто вы все знаете, что кагану нужна только я. Этот сын шакала желает потешить своё самолюбие.

– У нас в отряде около двухсот человек. Двадцать восемь из них женщины, которые могут драться не хуже мужчин. – Гурт задумчиво почесал бороду. – Неужто мы не придумаем какую-нибудь хитрость, чтобы вырваться из ловушки?

– Я о чём уже только не думала.

– Самое отвратительное то, что в отряде скоро начнётся голод, запасы провианта на исходе, – выдавил из себя суровый вояка.

Он с отеческой любовью и жалостью взглянул на грустное лицо юной королевы, и уверено, как бывало в атаках, прорычал:

– Мы прорвёмся, мы обязательно прорвёмся. А сейчас, приляг, отдохни, нам понадобится много сил. А где их взять, если ты не бережёшь себя?

Словно малое дитя он уложил её на шкуру барса и накрыл войлочным плащом. Затем, погладив по волосам, тихо вышел из шатра.

2 глава

У Павла Горюнова день не задался с самого утра. Он проснулся с распухшей после вчерашнего головой, проспав целый час на работу. А утренний рапорт должен был быть при начальнике отдела Аверкине. Мало того, что после вчерашнего обмывания капитанских погон больная голова требовала немедленного лечения каплями в виде вождёльной бутылки пива,

так ещё эта самая многострадальная головушка будет нещадно намылена замполитом райотдела Тельтевским.

«А вот не пойду вообще на работу», – мстительно подумал Павел и, дотащившись до холодильника, достал из него бутылку лекарства под названием «Жигулёвское». Сев за стол, он крупными глотками в один присест выпил бутылку и расслаблено откинулся на спинку стула. Парень не был горьким пропойцей. Просто вчера Павел Борисович Горюнов, двадцати восьми годов от роду, дважды имевший счастье быть женатым и решением районного суда дважды этого счастья лишавшийся, бездетный, старший опер убойного отдела Южного РОВД, по высочайшему повелению был пожалован в чин капитана. Чем несказанно возгордился, так как его любимый мушкетёр тоже был капитаном на службе государевой. А по сему поводу нищая оперская братва на своё скудное казённое жалование закатило пир до ночи, напрочь забыв о том, что завтра Родина потребует от них полной отдачи в нелёгком труде по искоренению преступности на её бескрайних просторах.

На дворе стоял 1995 год. Год, когда наш народ узнал, что оказывается и у нас в стране есть организованная преступность. От этого знания новоявленные демократы в умилении и радости хлопали в ладоши. Наконец-то у нас всё становится как за границей: и демократия, и проститутки, и мафия! Высшие государственные мужи на экранах телевизоров бессильно разводили руками: «Что же нам со всем этим делать?» А по ночам в саунах и ресторанах устраивали вместе с воровскими авторитетами грандиозные шабаши. В перестроечном угаре эти ребята стали настоящими коллегами, ведь задачи у них стояли одинаковые – ограбить свой народ. Только бандиты действовали при помощи ножа и кистеня, а правители – усыпляли обещаниями о всеобщей благодати в недалёком завтра.

«Опять меня понесло не туда, куда надо, – поморщился Павел. – Таким умным становлюсь, хоть вообще пить бросай».

Павлик родился в счастливые годы, которые впоследствии назовут годами застоя. Он появился на свет в милой интеллигентной семье. Мать была учителем географии, а отец вёл уроки физкультуры. Учителем они в одной и той же школе. Когда пришла пора учиться, родители, к несчастью, а, может быть, и к счастью, определили его в свою родную школу. Где он с их легкой руки автоматически попал в разряд маменькиных сынков. И все десять лет ему приходилось доказывать обратное. Благо отец был учителем физкультуры и с детства заставлял его делать по утрам зарядку и заниматься гимнастикой. Потом, под давлением всё той же шпаны, пришлось заняться более серьёзными видами спорта. В третьем классе он самостоятельно записался в секцию бокса. Втянулся в занятия спортом: рукопашный бой, фехтование и вскоре стал фанатом боевых искусств. Кроме спортивных занятий, любил читать. Отдавал книгам любую свободную минуту и часть ночей: видимо сказывались гены родителей.

К десятому классу он стал детиной под метр девяносто ростом, который имел своё суждение о многих областях жизни.

Воспитанный родителями патриотом Родины, он во время срочной службы в ВДВ написал рапорт на зачисление в высшее командное училище. Окончив училище, был направлен на службу в спецназ ГРУ. Там Павел продолжал любить Родину вплоть до 1993 года. В том году, будучи старшим группы, и находясь в очередной командировке в горячей точке, попали в засаду. По всей вероятности, кто-то из штабных крыс продал противнику маршрут движения группы. В живых чудом остались он, командир группы старший лейтенант Горюнов и лейтенант Безуглов. Для прикрытия своих махинаций штабным срочно понадобилась чья-то кровь. У молодого старлея она оказалась самой вкусной. Разуверившись в порядочности штабных вояк, Павел хлопнул дверью и уволился в запас. Две дырки от ран да две дырки под боевые ордена – вот и всё, что заслужил он от Родины. Откровенно говоря, такое продажное государство, каким оно стало за последние годы, защищать не очень-то и хотелось, мешала поруганная честь офицера.

На гражданке надо было как-то устраиваться. Огромное советское пространство рушилось, государственные органы ослабели настолько, что уже не в состоянии что-либо контролировать, в том числе и рабочие места. С его профессией – самая прямая дорога вела в бандиты, либо к богатому дяденьке – в холуи-охранники. Или «встречный путь»: ловить этих самых бандитов, а с ними и богатых дяденек. Правда, с ущербом для своего личного бюджета, если – «не брать на лапу»... Павел с детства очень любил фильм «Белое солнце пустыни» и хорошо запомнил слова Верещагина. Поэтому, ни в бандиты, ни в холуи не пошёл. Вернувшись в свой любимый Хабаровск, направился старлей в уголовный розыск. Там был с почестями встречен и обласкан по причине острейшего дефицита кадров. Где и до сегодняшнего дня трудился, как было уже замечено, в должности старшего опера в убийном отделе ОВД Индустриального района.

Павла вернуло из невесёлых воспоминаний настырное кряканье телефона. Он нехотя поднял трубку, прекрасно понимая, что ничего хорошего этот звонок не принесёт. В трубке раздался голос боевого соратника и старшего группы убийного отдела Бориса Вышутина:

– Пашка, ты что обалдел! На рапорте и так вся группа на командный состав дружно перегаром дышала, да ещё, и ты не явился! Тельтевский орал, что тем, кто не умеет пить не место в наших рядах и, что звёздочки у тебя надо будет отобрать!

– Ну, это пусть он умоется, я ещё не адаптировался к вашим возможностям по поглощению денатурата.

– Паша, кончай базар, у нас по Суворова «мокруха».

– Что там?

– Деваха, по ходу изнасилованная, лежит в чём мать родила, – ответил Вышутин. – Приедешь, увидишь. Дуй сразу на адрес. Казнь твоя временно отменяется.

Непосредственный командир Павла положил трубку.

На пять минут Горюнов забрался под холодный душ. Несколько раз делал то горячим, то холодным. С полотенцем в руках прошёл на кухню, заглянул в холодильник. Как и следовало ожидать, ничего там не нашёл: до зарплаты должна пройти ещё неделя.

На месте происшествия активную видимость деятельности создавала вся группа «по тяжким». Там и сям, усиленно мешая наладить следственную работу, мелькали погоны с огромными звёздами.

– Доложите, что сделано для раскрытия преступления «по горячим следам»? – отрывал Вышутин от работы какой-то «полкан» из управы.

– Работаем, товарищ полковник, – пожал плечами майор. – Если бы ещё всякие-прочие эти самые следы не затаптывали.

– Это вы на что намекаете, товарищ майор? – попытался одёрнуть Вышутин полковник. Но его приёмчик с «ледяным» голосом и «сжигающим» взглядом на Бориса не подействовал.

– Что вы, – усмехнулся он. – Какие намёки, товарищ полковник, работать бы не мешали.

«Всё как всегда, – невесело подумал Павел, – приехали, накричали, затаптали все следы и, состряпав умные лица, уехали, чтобы потом в главке доложить, что не в кабинетах штаны протирали, а лично участвовали в раскрытии особо опасного преступления. Ну, а если наш брат опера подсуется и все-таки раскроют эту мокрую делюгу, то глядишь, и в приказ о поощрении втиснуться получится».

К Павлу подскочил вырвавшийся от полковника Вышутин и оттащил его в сторону:

– Я всех наших разогнал на поквартирный обход, чтобы глаза этим «папахам» не мозолить. А то у некоторых тут командное рвение проявилось, – сообщил он, переведя дух. – Пойдём, глянешь на терпилу, и будем рабочие версии отрабатывать.

Они протолкались к окружённому начальственными спинами труп. У стены дома лежало тело обнажённой девушки. Даже смерть не успела её обезобразить. На трупе были мно-

жественные синяки и ссадины, а у виска зияло пулевое отверстие. Что это отверстие пулевое Павлу было ясно и без заключения эксперта.

– Оп-па! – прошептал он Борису, – огнестрел, кто же это так нагло со стволом балуется?

– По ходу залётные, наши ещё не такие борзые.

– А если молодняк обезбашенный по укурке, деваха- то, блин, красивая.

– Ладно, пошли, – потянул его в сторону Вышутин. – Всё, что надо, мы уже увидели, а другие улики эти дятлы уже успели затоптать.

Мужики незаметно отошли в сторону.

– Что думаешь? – спросил Борис.

– Однозначно убивали не здесь. Нет одежды, на теле явные следы волочения, привезли на машине.

– Я думаю так же, может, мужики чего накопают.

– Ага, приметы мокрушников и номер автомобиля, на котором её сюда доставили.

Поквартирный обход – это обычно стопроцентная песня ни о чём. Ничего не вижу, ничего не слышу, ничего никому не скажу.

– Да, запугали народ. Работать стало совершенно невозможно! – выругался Вышутин

– Варианты? – спросил Павел у более опытного товарища.

– В первую очередь выяснить, какие экипажи ППС, ГАИ и вневедомственной охраны работали в этом районе ночью. Они ребята внимательные, может, что в глаза и бросилось, вдруг, кого останавливали. Затем подождём результатов поквартирного обхода. Когда рассосётся этот цирк, проведём осмотр места происшествия и прилегающей территории. А пока поехали в отдел, нечего тут отсвечивать, а то полководцы запрягут глупостями заниматься.

3 глава

В стане кагана Курвата всё это время не прекращалось пьяное разгулье. Победители в полной мере пользовались законным правом войны, правом сильного. Из обоза с пленными в повозки приводили женщин и девушек. Уставшие от постоянного унижения пленницы уже просто не реагировали на все те надругательства, которые с ними вытворяли одурманенные вином и вседозволенностью хазары. Некоторые из них, самые стойкие, не вынеся такого позора, бросались на своих обидчиков и принимали смерть от холодного железа, считая эту смерть высшим благом после всего пережитого.

В богатом гостевом шатре кагана шла ночная трапеза, более похожая на оргию. Сам каган восседал на огромном ворохе подушек в окружении подбострастных военачальников, советников и прорицателей. Курват любил окружать себя оракулами. Он верил в Судьбу, но ещё более он верил в свою удачу.

Каган любовался страстными телодвижениями танцовщиц и мелкими глотками отпивал из золотого кубка янтарное вино, завезённое купцами из Византии, чем немало удивлял своих приближённых. У диких степняков не было в традициях растягивать процесс чревоугодия, как, впрочем, и все остальные радости жизни. Они считали себя настоящими мужчинами, жили только войной и лишний прожитый день воспринимали как подарок судьбы. За день надо было нажраться от пуза, постараться самому не быть съеденным и, если повезёт, отхватить какую-нибудь самку.

Год был удачным для умного и коварного правителя. Ему удалось хитростью заманить и сжечь флот противника. Не обошлось, конечно, без подкупов и предательств, но на войне все средства хороши. Человек в сущности своей ничтожное существо, готовое за мелкую подачку продать всех и всё. Курват самодовольно ухмыльнулся. В это время полуобнажённые наложницы, обслуживающие его за столом, стали предлагать ему фрукты и сладости. Хан повернул голову к одной из них, вынул губами ягоду из грозди винограда, а другую грубо притянул к себе. Но, встретив в её глазах испуг и покорность, вдруг подумал о том: что скоро сама Тина

вот таким же взглядом взглядом будет смотреть на него. Он грубо оттолкнул наложницу. И погрузился в шумное веселье.

Между тем лагерь варваров не спал. В нём протекала только ему одному понятная, со стороны кажущаяся бестолковой жизнь. Из тумана в сотни и десятки сновали посыльные, и среди всеобщего разгула и веселья улавливалась железная рука хозяина. Посты и дозоры по-прежнему добросовестно несли свою службу. Хотя непосредственные боевые действия были закончены, но смертной казни за разгильдяйство и прочие провинности никто не отменял. Да и времена были такие, что в любой момент враги могли появиться ниоткуда, причём, кто и сколько – никто не мог знать.

Позже эти времена назовут «Великое переселение народов». Времена, когда умный, жестокий и властный вождь мог захватить себе королевство, вытеснив в необжитые края целый народ.

Совершенно трезвым взглядом Курват обводил своих соратников, желая определить, кто в будущем может стать его врагом. Взяв очередное яство из рук рабыни, он подумал, что поражение королева Тина потерпела, когда он распространил призыв о помиловании врагов и приём их в своё войско на равных со всеми условиями.

«Да, тут советники честно отработали свой хлеб», – ухмыльнулся он. Затем его мысли вновь перекинулись на Тину. Самоуверенная девчонка. За время войны он два раза предлагал ей выйти за него замуж, но в ответ слышал лишь дерзкие слова отказа.

–

Мы рассмотрим все полученные предложения. Не думаю, что просьба вашего хозяина будет удовлетворена. Принцессы крови и внучки великого Аттилы не выходят замуж за пастухов, – ответила она его послам.

Она его унизила, а таких вещей он не прощал и жестоко мстил за дерзость. Ну, ничего, теперь он сделает её своей наложницей и, досыта насладившись мезтью, отдаст на потеху своим доблестным воинам.

–

Проклятая! – заскрипел он зубами при неприятных воспоминаниях и мысли о том, что кто-то кроме него посмеет прикоснуться к её телу.

«Нет, – решил он. – Воинам, пожалуй, не отдам, сам буду наслаждаться её унижениями».

–

О величайший из величайших, – с подобострастной улыбкой прервал его мысли правая рука Алан. – Сегодня у тебя самая великая победа, ты без битвы разгромил последнее войско гуннов. Только что из лагеря этой дочери волчицы пришли последние перебежчики. Лагерь пуст, не считая жалкой сотни её личных телохранителей. Правда, её отряды перешли в основном без предводителей. Но это ничего не меняет, с ней они тоже не остались, просто они страшатся твоего гнева. Велишь захватить её в плен?

–

Не торопись, Алан, утром эта гадюка сама приползёт к моим ногам вымаливая себе жизнь.

–

О, повелитель, не в гнев тебе будет сказано, но змея и перед смертью жалит ядом.

–

Не забывайся, пёс!

– О нет, ни в коем случае я не хотел навлечь твой гнев на свою голову. Но, по-моему, надо вырвать жало у змеи.

– Нет, я хочу насладиться её позором до конца. Терпеливому достанется прожаренное мясо, а торопыге – сырой кусок, воняющий дымом. Но на всякий случай, Алан, удвой посты, а

если где требуется поставь дополнительно засады. И чтобы ни однамышь не могла выскользнуть из ловушки.

– Слушаюсь и повинуюсь, – склонился советник и пятясь отполз от хана.

Курат поморщился: хоть он и был самолюбив, но всё же презирал такую откровенную лесть.

«При случае первым продаст меня со всеми потрохами, – подумал он про себя. – Но я силён и могуч, и мне никто не страшен, пока я буду великим каганом Куратом, а в одиночку народы не покоряют. Трон любого правителя всегда держится на услугах льстивых подлецов».

Схватив со стола кубок, он, не отрываясь, осушил его и, притянув к себе смазливую танцовщицу, больно укусил её за губы.

– Сегодня придёшь ко мне, – приказал он ей лениво, и, оттолкнув податливое тело, подумал: «Гораздо приятнее будет объезжать строптивую Тину», – и плотоядно улыбнулся своим мыслям.

В это время пир достиг своего апогея. То там, то здесь валялись изрядно подвыпившие военачальники. Пьяные выкрики и песни слились в сплошной гул. Бородатые лица с выпученными глазами и обнажённые женские тела кружили в каком-то диком, необузданном хороводе. Один из воинов вскочил на стол и под завывания толпы и лязганье клинков стал выплясывать, размахивая мечом, дикий танец. Блюда переворачивались, закуски разлетались в разные стороны. Подталкивая остриями мечей, на стол вытолкнули обнажённых невольниц и, свистя и улюлюкая, заставили присоединиться к танцору. Пир превращался в пьяную оргию. Вскоре Курат пресытился этим безудержным весельем и в сопровождении телохранителей удалился в походную кибитку. Там в объятиях наложниц он забылся тяжёлым беспокойным сном.

4 глава

С диким хохотом, холодившим душу, её настигал огромный, как медведь, хазарский воин. Пугающим было то, что он не размахивал мечом или кинжалом, не целился в неё из лука, а приближался неспешным шагом, вытянув к ней длинные волосатые ручищи. Она пыталась, но не могла от него убежать. Всё тело покрылось липким потом, ноги стали ватными и не слушались, а рука, сжимавшая меч, потеряла всякую силу и не желала ей повиноваться. Она хотела позвать кого-нибудь на помощь, но вместо крика из пересохшего горла вырывались непонятные гортанные всхлипы.

«Что же это, где же мои люди?» – взмолилась она. Затем она бежит по полю, кругом валяются трупы своих и вражеских солдат. Везде кровь, кровь, много крови. Она смотрит на свои руки, они в крови. Раненые воины беззвучно открывают перекошенные болью рты, моля о помощи, хватаясь скрюченными пальцами за её плащ, мешают бежать. Вот за спиной уже слышно хриплое дыхание преследователя, ноги окончательно перестают слушаться, и она, споткнувшись, беспомощно падает на спину, и видит перед собой ненавистного мучителя. Сердце готово от страха выскочить из груди.

Но вдруг происходит что-то непонятное. Протянутые к её горлу волосатые руки отлетают в сторону, а само огромное тело преследователя, словно тряпичная кукла взлетает в воздух и, кувыркнувшись, падает на землю. Над поверженным врагом стоит очень высокий светловолосый воин в странных доспехах и протягивает Тине руку, желая помочь ей подняться. Издалека доносятся голос, зовущий её по имени. Она не хочет откликаться на этот голос, она хочет разглядеть своего спасителя. Но сон уже прерван, видение исчезает, Тина открывает глаза. Рядом с ложем стоит верный Грут.

– Просыпайся, моя королева, у нас много дел.

– Грут, ты не мог немного попозже, я не успела его разглядеть, – словно в продолжение сна капризно говорит Тина, затем испугано замолкает.

– Кого? – улыбнулся ветеран вопросительно. Грут понимал, что его королева ещё совсем девочка. Ей бы в куклы играть, а не по скалам с саблей лазать. Видимо сладкий сон предут-

ренный снился. Старый воин сам уж давно не видел снов. Его мозг был подчинён лишь одному – службе. Сны этому делу мешают, и он запретил им отвлекать его понапрасну.

Но Тина уже взяла себя в руки и, не желая продолжать разговор, перевела его в другое русло.

– Что там? – поинтересовалась она.

– Веселятся. Уверены, что нам некуда деваться.

– Мой учитель Феодор рассказывал как-то историю царя Леонида из государства Спарта, – произнесла задумчиво королева. – Так вот, он с тремя сотнями своих телохранителей так же в горах перекрыл единственную дорогу и долгое время не пропускал через перевал многотысячное персидское войско.

– Но у него был выбор, он мог отойти, а у нас же одна дорога, её удерживать несложно, но вокруг скалы, по которым простому смертному не спуститься, – развёл руками Грут.

– Если бы у нас были крылья, – мечтательно протянула Тина и, встрепенувшись, добавила. – Нам невозможно спуститься, но и воинам Курата сюда не подняться.

Западня, в которую хан вынудил отступить отряд, представляла собой большое углубление в горах с крутыми отвесными склонами, отшлифованными природой до такого состояния, что подняться по ним было невозможно. Из каменной чаши к подножию горы сбегала узкая расщелина, оборонять её без труда могли несколько лучников. Можно было продержаться долго, но весь вопрос состоял в том, что у защитников кончалась провизия. Были ещё лошади, но это всё равно, проблему продовольствия не решало.

– Я пойду, моя королева. Меня уже ждут, – Грут кивнул головой в сторону выхода.

Когда Грут вышел, Тина опять вернулась к своим размышлениям: пыталась вспомнить внешность неизвестного, который пришёл ей на помощь в ночном кошмаре. Это казалось ей очень важным. Но лицо спасителя было скрыто в тумане, не желая проясниться до поры до времени. Чётко помнилось только то, что он был высокого, просто огромного, роста. «К чему бы этот сон?» – размышляла девушка, оставшись одна. А сердце в предчувствии чего-то неведомого испуганно замирало. Чтобы развеять тревожные мысли, Тина вышла на свежий воздух.

В лагере гуннов, несмотря на своё безнадёжное положение, уныния не наблюдалось. Молодёжь, а в отряде в основном была молодёжь, самым старшим и опытным воином среди них был Грут, развлекалась тем, что устраивала между собой учебные поединки. Грут не давал своим бойцам сидеть без дела: чем больше нагружены мышцы, тем меньше в голове ненужных мыслей.

Вот и сейчас на вытоптанной поляне двое обнажённых по пояс юношей кружили друг напротив друга с мечами в руках. Они то сходились, яростно рубясь, то отскакивали друг от друга. Уступать никто не собирался. Оба отлично владели оружием, и никто не мог «поймать» своего соперника на хитром приёме. Вдруг один из них, отступая назад, оступился и неловко опустился на колено. Этим немедленно воспользовался противник и стремительно кинулся вперёд. Но хитрец ловко ушёл в сторону и поразил своего партнёра сбоку, вызвав одобрительные возгласы.

– Молодец, Огул!

Побеждённый, добродушно улыбаясь, развёл руками.

Тина, наблюдавшая за поединком, сказала Груту:

– А они у тебя не застаиваются.

– Им бы настоящее дело, – вздохнул Грут. – Может, организовать вылазку? Провиантом разжиться. – Он вопросительно посмотрел на Тину.

– А что! Давай потревожим Курвата.

– Только, надо всё тщательно обдумать.

– Думай, а ночью мы их навестим, – азартно воскликнула Тина.

– Но-но, моя королева! Разве я сказал, что твоё присутствие там обязательно?

– Кто здесь повелительница? – обижено надула губы королева. Она до сих пор воспринимала воина как учителя и, несмотря на своё положение, не могла относиться к нему как к обычному подданному.

– А кто отвечает за вашу безопасность? – парировал начальник охраны. – Здесь даже нечего обсуждать, для таких дел есть воины и, смею заметить, неплохие.

Гурт поднялся и, получив разрешение, покинул шатёр своей подопечной.

Тина откинулась на шкуре и устремила задумчивый взгляд в потолок. Посторонний наблюдатель, случись ему оказаться неподалёку, мог бы заметить, что в этой маленькой прелестной головке происходит нешуточная умственная работа. Она что-то шептала, смешно растягивая губы, загибала пальчики и сосредоточенно морщила лобик.

Затем, довольно улыбнувшись, девушка приказала, чтобы пригласили её близких подруг. С этими девушками, из семей сановников при её отце, она росла. Они так же как и Тина потеряли всё, что имели. Их звали Эсна и Гури. Девушки пришли и уединились с королевой. Долго о чём-то шептались и подозрительно хихикали. После чего все трое улеглись на звериных шкурах и стали вспоминать детские годы. Как было весело и беззаботно при дворе живых ещё родителей!

5 глава

В кабинете убойного отдела к восемнадцати ноль-ноль собралась вся группа. Группа по «тяжким»¹ состояла из пяти человек. Двоих мы уже знаем, третьим был Коля Бобылюк. Он отвечал за линию тяжких телесных и был самым старым опером в группе. Но из-за вечных своих залётов смог дослужиться лишь до старшего лейтенанта. Бобылюк был живой легендой райотдела. Он мог быть уже капитаном, но на нём постоянно висело какое-нибудь действующее взыскание. Коля мог просто так, по велению души, на неделю или на две «уйти со связи» – залечь «на дно» у одной из своих многочисленных подруг или на какой-нибудь блахате. Где его искать, не знал никто. И не искали. Жена Люся через день да каждый день умоляла Вышутину вернуть негодяя-беглеца в лоно семьи. Борька клялся ей, что уже все силы брошены на поиски, и вот-вот «негодяй» будет найден. Коля же всегда объявлялся сам: стыдливо, как нашкодивший школьник, пряча взгляд. На него зла не держали, начальство объявляло ему очередной выговор и закрывало на этом разбор полётов.

После загулов Коля становился необыкновенно работоспособным. Вместе с Вышутиным он усаживался за разбор великого множества информации, добытой от своих временных собутельников и подруг. Через несколько часов вся группа, а с ними и весь райотдел, делал глубокий рывок вперёд по поднятию «висяков». Все начинали ходить белыми и пушистыми, а главный виновник заслуг отдела продолжал пахать до следующего срыва. Он был опер от бога. За это его и держали в отделе, другого бы уже вытурили с первого захода. Но зелёный змий не давал ему в полной мере воспользоваться результатами ударного труда.

Два других сотрудника – это Андрей Быков по кличке Бык и Рома Супрун. Оба молодые, подающие надежды опера, но пока ещё не успевшие прославить свой родной райотдел.

Докладывали по очереди – Борис Вышутин обобщал сведения. Первыми рапортовали о своих успехах молодые кадры.

– При обходе квартир ничего относящегося к делу не узнали. Ездили во дворе машины, так они по всем улицам и всю ночь мотаются, но тех, кто голую ташил, никто не видел. – Доложил Рома.

– Я был во вневедомственной охране и в ГАИ. Экипаж вневедомственной около двенадцати часов ночи гонял, но не догнал, примерно в этом районе белые «Жигули-копейку», номер записан. Даже перехват объявляли, но те, скорее всего, где-то во дворах затихарились. Хозяина я пробил по ХАБу, но на адресе ещё не был, – сообщил о своих успехах Бобылюк

¹ Отдел по расследованию тяжких преступлений против жизни и здоровья граждан.

– И правильно, что не был, может это ствол гуляет, а ты бы туда один явился, – одобрил Борис действия, точнее – бездействие, Бобылюка. – Закончим с разработкой версий и все вместе навестим хозяина «копейки».

– Ты по ГАИ пробивал, эта калоша не в угоне? – спросил Павел и Николая.

– Обижаешь, Паш. Мы в первую очередь это выяснили: угон никто не заявлял, – ухмыльнулся Коля.

– Так, с тобой всё ясно. – переключился Вышутин на Горюнова. – Павел, теперь ты давай. Что там с установлением личности потерпевшей?

– По райотделам и ГОМам пропажу пока никто не заявлял. Проверяли версию, что могли снять её в кабаке, где успели – с фотографией пробежались. Никто не опознал. Опросили дворовых, тоже без результатов. Потерпевшая, скорее всего, не из этого района, – развёл руками Павел.

– Ладно, что там эксперты говорят?

– Эксперты? Установили: смерть наступила от проникающего огнестрельного ранения в височную область головы несовместимого с жизнью потерпевшей. Перед смертью была изнасилована.

– И так, ещё раз посмотрим, что мы имеем? – поочерёдно глядя на присутствующих, медленно проговорил майор Вышутин. – По месту обнаружения трупа никаких улик не найдено, там успело пройти стадо слонов в больших погонах. О том, что белый «жигуль» причастен к убийству ещё не факт, но проверить адресок надо. Только делать это следует осторожно: если их ночью охрана гоняла по городу, они могут и на дно лечь, а за своей хатой присматривать будут: придём мы туда или нет? В общем, так: выдвигаемся все. Кстати, оружие у всех при себе? Чтоб не получилось, как в прошлый раз: водитель отстреливается, а господа опера скромно поглядывают из-за углов. Оружие, видите ли, взять позабыли.

– Ну, водителю-то положено всегда быть при оружии, он ведь, так сказать, на самом острие, – заступился за «забывчивых» сослуживцев Коля. – Опять же, чтобы машину не угнали. Собственность райотдела, как-никак!

Он мог позволить себе позубоскалить, потому как, по причине вышеизложенных ранее событий, табельное оружие ему временно не выдавалось: во избежание всяких возможных неприятностей.

– Ладно, орлы, всем получить бронники и сферы, – распорядился Вышутин.

– Может, пару автоматов? – заикнулся Рома.

– Ага, ещё базуку или зенитную установку, – съехидничал Бобылюк.

– Вы что там, полномасштабные военные действия собрались проводить? Зачем вам автоматы? Если пострелять хотите, то вам надо в СОБРы, там сначала бьют, а потом уже думают, а у нас, в основном, головой надо работать. – По-отечески просветил молодежь Борис.

– Кстати, анекдот насчёт автоматов, – вставил Бобылюк. – Подходит к ГАИшнику на посту пацанчик малой и спрашивает: – «Дяденька, а зачем вам автомат, ведь у вас пистолет есть?». А тот отвечает: «Автомат-то, сынок, нужен как раз для того, чтобы пистолет не отобрали».

– Всё, товарищи офицеры, хватит веселиться, вооружаемся как положено, и вперёд, – отдал последнее распоряжение командир.

Народ зашевелился и двинулся выполнять распоряжение начальства. Через двадцать минут, они уже катили на старенькой собственности райотдела в сторону улицы Ворошилова. За рулем сидел Игорь Лядов, рядом с ним командир, а четверо оперов заполнили пространство над задним сиденьем. Стемнело. Был конец апреля, вечерами заметно холодало. Не доезжая за два дома до адреса хозяина «жигулей», Вышутин, похлопав по плечу Лядова, остановил машину и, обращаясь к Бобылюку, сказал:

– Ну что, Колёк, твой выход, проведи установочку на месте, дома хозяева или нет.

Виталию Николаевичу, хозяину белых «жигулей», по данным ГАИ было семьдесят два года. Возраст, в общем-то и смущал сыщиков. Дед никак не мог претендовать на роль «ночного гонщика», сексуального маньяка и отморозка-беспредельщика.

Бобылюк своей фигурой и кургузой одежкой ничем не отличался от гордых обитателей подворотен и бомжатников. Николай понимающе кивнул головой, кряхтя, не без помощи товарищей по оружию, выбрался из машины и не оборачиваясь двинулся в сторону нужного дома.

– Ну, вылитый бичара, – сказал Андрей Быков, – глядя ему вслед сквозь запотевшее окно,

– Чтобы ты понимал, – усмехнулся Вышутин. – Это же настоящий опер-волчара! Сейчас он там устроит цирк. Жаль, что нам нельзя присутствовать на представлении. Наше дело ждать его в машине и не отвечивать.

Когда Николай поднялся на площадку, где находилась нужная квартира, он, на взгляд постороннего наблюдателя, превратился в стельку пьяного мужичка. Привалившись спиной к косяку со всей силой стал колотить ногой в дверь. Подъезд наполнился грохотом и матами:

– Виталик, сука! Выходи, ты когда... бабки отдашь! Как бухать на шару – так все мастера, а похмелить друга – никого нет! Попрятались!

Время от времени Николай прислушивался, заглядывал в замочную скважину, но за дверью было тихо. Он бесновался минут пять, как раз столько, сколько ему требовалось серьёзно войти в роль. Вдруг дверь соседней квартиры приоткрылась. В образовавшейся щели, чуть повыше дверной ручки, появился сначала сморщенный нос, а затем и лицо старушечки. Внимательно оглядев соседского «другана», она отважно начала его отчитывать:

– Чего это ты тут буянишь, сморчок обожравшийся?

Колёк, слегка растерявшись, уставился на старуху.

– Бабка, а где Виталь-ик? – Неожиданно для себя самого он натурально икнул.

– На кладбище твой Виталик. Вот также обожрался как ты и сдох. Тебя вот не дождался. Ну ничего, скоро и ты к нему туда... Там и встретитесь.

– Помёр говоришь, а кто щас в его доме обитает?

– Внучок его – Сёмка. Папашу-то Сёмкиного посадили. И Сёмка стелет туды ж дорожку «Друганов», вроде тебя, только молодых. Баб полный дом наведёт. Ни днём ни ночью покоя нет. Зря ты колотишь. Со вчерашней ночи тишина у них. Куды-то пропали все. И ты иди.

Старушка притворила дверь своей квартиры. Было слышно как крутанулся в замке ключ.

Бобылюк, играл «спектакли» честно. Работал до конца. Он ещё несколько раз пнул по двери, громко выматерился и неровной походкой двинулся по ступенькам. На улице, не выходя из роли, закурил и покачиваясь направился в сторону магазина, чтобы затеряться в толпе.

Ожидая результат разведки, опера травили анекдоты. Когда Николай втиснулся в машину все притихли.

– Ну что герой-одиночка, радуй своими успехами, – повернулся к нему Вышутин.

– Похоже попали в цвет. Нутром своим чую! – начал докладывать Бобылюк. – Короче, хозяин тачки умер, его сынок за что-то подсел на зону, в квартире хозяйничает внучок – Сёмка-Семён. Со слов старушки-соседки – не квартира, а настоящий вертеп. И вот что интересно: как раз вчера была гулянка. А вот к утру – вся весёлая компания куда-то испарились.

– Во пруха! – не удержался Роман.

– Пруха для нас настанет тогда, – мрачно произнёс Вышутин. – когда у отморожков... откручивать будем,

Насчёт «откручивания», опера со стажем знали, командир не шутил. Они и сами в разноцветии преступного мира более всего испытывали лютую ненависть к насильникам. Ведь у каждого есть мать, жена, дети... Лишь при одной мысли о том, что насилие может случиться и над ними, у офицеров милиции непроизвольно сжимались кулаки.

– Ну что, товарищи опера, как поступим? Квартиру отдадим «семёрке» под наблюдение? Или не станем делиться славой и оформим душегубцев сами? – Задал вопрос Вышутин и, не дожидаясь ответа, сам ответил: – Вижу как наша молодёжь рвётся в бой! Не скрою – приятно.

Поняв, куда клонит командир, молодёжь потупила глаза, вроде бы они тут ни при чём. Сидеть в холодном подъезде в ожидании когда явятся хозяева, занятие не из приятных. Но что поделаешь, уже пошла команда:

– Занимаете позицию в доме напротив, пасёте квартиру по входу в подъезд, по окнам. Как в квартире кто-нибудь появится, выходите на связь. Одну радиостанцию вам, другая – при нас. Мы на запасных позициях ожидаем от вас доклада.

Молодёжь нехотя покинула машину. Они примерно догадывались, где находятся эти «запасные позиции».

– Ну что, Павлуша, извиняюсь, товарищ капитан, вы готовы показать русским офицерам широту славянской души? – спросил Вышутин.

– Когда я получил старлея то вся уголовка неделю гуляла, – горделиво въехал в диалог Николай.

– Ещё бы, восемь лет вместо двух положенных в лейтенантах проходил, – хмыкнул Борис.

– Я как пионер. Если старшие товарищи прикажут, всегда готов, – пожал плечами капитан.

Ему не очень то и хотелось повторять вчерашний вечер, но, надеялся, так как всех ждёт работа, слишком злоупотреблять не станут. Поэтому сам предложил ждать сообщений от группы наблюдения у него дома.

– Предложение принимается. Игорёк, рули в лавку, – Вышутин положил руку на плечо Лядова. – Павел, а как дома у тебя обстановка?

– Дома у меня полный штиль. Моя последняя любовь, опасаясь голодных обмороков, променяла меня на более сытный вариант, – грустно поведал Пашка.

– Такого мужика! – изумился Борька. – Ну, бабы, ну дуры! Смутные времена – временные явления. Россия прорвётся. А любовь... Она вечной должна быть!

– Значит, не было любви. Поэтому: наплюй, Павел, и забудь, – встрял в разговор водитель.

– Уже.

– Не понял?

– Я говорю: уже наплевал и забыл.

– При нашей работе тыл должен быть железобетонным, – глубокомысленно изрёк Николай Бобылюк.

На минуту в машине повисла гробовая тишина, затем грянул дружный хохот

– Ну, ты Колёк даёшь, ты хоть подумал что сказал, я понимаю, если бы это Игорёк сказал – верный муж и семьянин, а ты то сам – шлюха в штанах.

– Я мужчина, – важно сказал Николай. – Добытчик, а жена должна сидеть в пещере и верно ждать пока охотник добудет мамонта.

– Да что ты говоришь, и много ты наохотил, добытчик, наверное, домой все болезни перетаскал?

– Ну, всё спорщики, давайте, идите в лавку. – Лядов остановил машину около магазина.

– А пусть виновник идёт, – строптиво откликнулся Бобылюк.

– Пойдём с тобой, Колян, а то эта военная интеллигенция из малопьющих возьмёт не тот боекомплект, – подтолкнул своего оппонента Вышутин.

После недолгих споров в магазин направились все трое. Купили кое-что из закуси и три литровых бутылки водки. Павел произвольно покачал головой.

– Не бойсь, – успокоил Вышутин. – Хохол берёт на себя два встречных плана. Я правильно говорю, Колёк? – Повернулся он к Бобылюку.

– Да ладно! Мужики, давайте лучше пошустрей, – поторопил «передовик-стакановец» в ответ.

На стол накрывали по-быстрому и молча. Сели, разлили, чокнулись и выпили. Бобылюк тут же налил по второй и скупно проронил:

– Давай, капитан. За тебя!

К двум часам ночи за столом ещё сидели полупьяный Вышутин и полутрезвый Бобылюк. Павел уже час как спал на диване.

Снился Павлу сон, который явью своей вовсе не походил на сон. Ему виделось, будто бредёт он ночью где-то в высоко горах, и видит огни нескольких костров. Почему-то его очень тянет подойти к одному из них. И он, не сопротивляясь желанию, направляется к нему. Навстречу к нему устремляются вроде бы как древние воины, потому что они в кольчугах и с мечами. Угрожающе размахивают оружием и что-то кричат на непонятном Павлу языке. Ему совсем не хочется с ними драться. Он останавливается, воины тоже. Отодвинув бойцов, выходит вперёд молоденькая девушка, совсем ещё девчонка. Лёгкая кольчуга не скрывает прелестной гибкой фигурки, и, даже, подчёркивает её женственность. Множество длинных косичек свободно спадают из-под шлёма на плечи, укрытые мелкими кольцами доспехов. От её невероятной экзотической красоты у Пашки перехватывает дыхание, а ноги врастают в землю. Маленькое чудо – ростом своим, включая шлем с наверху, едва достаёт ему до подбородка, приближается к замороженному Павлу. Огромные, с лёгкой рысью раскосостью глаза взглядом вонзаются в самую глубину души...

Девушка о чём-то повелительно спрашивает, но уши Павла словно заложены ватой. Она устав ждать ответа в негодовании топаёт ножкой. Это движение тушит костры, сметает воинов, рушит окружающий ночной мир. Павел теряет равновесие... и вновь оказывается на диване. При этом сознание фиксирует: «Узбечка, что ли?..» Он открывает глаза и поворачивает голову... Перед ним – две физиономии.

Действуя на инстинктах вбитых в него опытом жизни и службы, Павел перекатом уходит на пол. И вот уже под ним, с заломанными назад руками лежат два тела... Их дикие вопли душем смывают с него остатки сна. Он встаёт на ноги... Борис и Николай, матерясь поднимаются с пола, и с опаской поглядывая на Павла, разминают вывернутые руки.

– Ну, ты... и монстр! Крыша что-ли съехала? – ворчит Вышутин. – Поберег бы прыть свою на бандюков.

– Ребята, простите подлеца. Заспал я что-то...

«Ребята» тянут его на кухню, где немедленно распивается «мировая». Майор Вышутин, обращаясь к Павлу, говорит про то, что на связь выходил Ромка и сообщил: «В квартире подозреваемых загорелся свет!» Павел смотрит на часы: начало пятого утра.

– Быстро приводим себя в порядок, – приказывает майор. – В шесть приступаем к работе!

– В шесть – это нормально. Самое рабочее время, – поддерживает его Бобылюк.

Павел слушает их в пол-уха, у него перед глазами неотступно стоит образ неизвестной красавицы. «Пора, заводить подружку, – думает он. – А то скоро сны станут эротическими». И тут сердце его стискивает досада. Ведь это всего лишь сон, и девушку эту он никогда не увидит в реальной жизни... Мгновенно испаряется романтическое настроение, на его место хлынула холодная тоска. Капитан убойного отдела с удивлением понимает, что уже влюблён! И женщин, которые будут отныне встречаться на его пути, он произвольно будет сравнивать с этой знакомой с рысьими глазами. «Выходит, – подумал Павел, – прав Вышутин. Определённо у меня «крыша съехала!» А расскажешь про это кому-нибудь, ведь засмеют».

– Ну что, орлы! – Выйдя из ванной комнаты, майор оглядел подчинённых. – К бою готовы?

Повернув голову к Павлу, Вышутин, чуть понизив голос, уточнил: – Тебя не спрашиваю, ты уже сделал разминку на двух манекенах.

Но, приглядевшись к его физиономии, удивился:

– Па-аха... Чего это ты скис? Кошмариков что-ли насмотрелся?

– Сам не пойму, что-то на душе стало тяжело.

– Может, сегодня отдохнёшь? Без тебя ребята отработают, – предложил Борис.

– За кого вы меня принимаете! – неизвестно на кого психанул Павел. – Всё! Поехали!

Ровно в шесть утра майор Вышутин провёл расстановку личного состава: «Рома с Андреем держат окна, на случай если кто прыгнуть надумает, хоть этаж и третий, но ошарашенному море по колено. Игорь из машины страхует подъезд. Я, Коля и капитан идём на хату. Время пошло!»

На площадке у дверей прислушались к шуму в квартире. Гул за входной дверью стоял умеренный, видно гулянка шла на убыль.

– Хорошо ещё дом старый, – прошептал Вышутин. – Все счётчики на лестничной площадке. – И спокойно вырубил пакетник счётчика Семёиной квартиры.

Несколько мгновений в квартире стояла тишина, а затем раздалась женские визги и мужская ругань. Клацнул замок и, словно приглашая всех желающих зайти в гости, распахнулась раздолбанная дверь. Борька повернул рубильник в обратную сторону, и всё трио, воспользовавшись дружелюбно открытыми дверьми, рвануло в жильё.

Квартира была двухкомнатной. Впереди всех, словно вихрь пролетел Павел. В нём словно распрямилась до времени сжатая пружина. Когда опешившие опера все же догнали его, то им уже дел не осталось. Сразу у порога лежал на спине, и глупо хлопал глазами, сопливый юнец. В первой комнате, между разбросанных табуреток, уткнув носы в пол лежали две полуодетые женщины. На кухне, на затоптанном полу, головами к окну, распластались двое мужчин.

– Все «чистые», стволов нет, – повернулся Павел к Вышутину.

– Всем лежать не дёргаясь, пока я не разрешу, – грозно прорычал Борька, а сам подумал: «Это тебе не ОМОН... Спецназ поработал!»

– Коля, – повернулся он, ища глазами Бобылюка. – Слышишь! Ищи компру,

Приказ этот немного запоздал, потому что Николай уже вынес из ванной комнаты целлофановый пакет с анашой, и алюминиевую миску с тёмными разводами, оставшимися после пропарки конопли в ацетоне.

– Ну, всё, задел есть, растаскиваем всех по разным комнатам. Жриц любви можно вместе. Зовите сюда наших молодых, хватит им там на улице маячить, – распорядился Вышутин.

Подруг заперли в одной комнате, одного из парней в другой комнате, еще одного – в туалете, а Семёу, хозяина квартиры, усадили на кухне для сердечной беседы. С улицы пришли Рома с Андреем.

Борис Вышутин с ходу, не давая опомниться находящемуся ещё в шоке Семёну, начал допрос.

– Ну, ты пацан по уши впух. На твоей на хате наркопритон, изъято конопли на особо крупную партию.

– Это не моё, – испуганно заверещал Семёа.

– Во даёт! Не, ну ты слышал! – призывая Павла в свидетели, возмутился Борис. – По твоему: мы эту дурь вырастили, принесли и тебе подбросили?

– Ах ты ... – Павел накинул на лицо маску гнева и навис всем телом над съёжившемся от испуга Семёном.

– Паша! Прошу тебя, не надо, – удерживая за плечи капитана, Борис, повернулся к молодым операм и дико закричал: «Ну что стоите! Помогите его удержать! Видите, у него опять началось!»

– Пустите! Дайте удавить этого козла! – куражился Павел. – Это я, боевой офицер, дурь выращиваю... Да я сейчас порву тебя, как промокашку!

– Слушай братан, – Борис, отгеснив Павла, упёрся локтями в кухонный стол, зашипел парню на ухо. – Ты того, лучше как есть скажи. Капитан на войне контужен. За себя не отвечает. – Майор доверительно посмотрел в широко раскрытые от ужаса глаза Семёна. – Если у него башню сорвёт, мы тебе уже ничем помочь не сможем. Сам видел, как он один вас тут всех в одного положил?

– Товарищ капитан, – «уговаривал» Павла Бобылюк, упёршись ему в грудь руками. – Успокойтесь! Вам нельзя так волноваться. А то, того глядишь, «скорую» придётся вызывать.

– Придётся! Только не мне, а этому уроду! – Паша с шумом рванул на кухню, откуда его только что вытолкнул Бобылюк. – Я в «травму» его уложу... Надо-олго!

– Ну что, Семёна-Семён, будем разговоры разговаривать? Ты поможешь нам, мы поможем тебе. Можем и наркоту тебе простить, если дашь нормальный расклад по интересующему нас вопросу.

В знак согласия полностью сломанный клиент испуганно закивал головой.

– Кого это ты вчера катал на своём лимузине? Что за подруга с вами была? – попёр напролом Борька.

– Какая подруга?! – сжался от страха Семён.

– А та, которую вы потом на Суворова бросили. Совсем без одёжек была, – видя, что клиент «поплыл», дожимал его майор. – Заодно, скажи ты мне, друг мой Сенечка, зачем вам надо было бросать её в таком видном месте? Ведь там ходит много порядочных граждан и гражданок, которые очень боятся трупов.

– Да мы и не хотели... Под лёд... Везли, чтобы её в Амур... – сдался Семёна, – Да менты нам на хвост сели... Вот мы и испугались... И пришлось её... Где пришлось... Если бы не ме...

– Я не ослышался? – раздался из-за спины Семёна голос Бобылюка. – Вроде бы с виду приличный юноша. – По-отечески пожурил паренька Коля.

– Извините, – поправился юноша. – Милиционеры...

– Ну а теперь с самого начала, подробненько так, будто на исповеди. Увидишь, на душе легче станет. – Попросил Вышутин.

– Вчера мы с моей Людкой часов, наверное, в десять вечера сидели дома. Пили пиво. Тут ко мне заваливает Антоха, мы с ним в одном классе учились, а с ним Бес.

– Ты мне, не погоняло его говори! Нормальное имя называй, да и фамилия у него должна быть? – тормознул рассказ Вышутин.

– Чёрт его знает! Бес и Бес? Имени не знаю. Живёт где-то в мало-семейках на Вологодского, – смелее заговорил Семён. – Отмороженный на всю голову.

– Ствол его?

– Его. Где взял не знаю. Бес – он пацан себе на уме.

– А там в комнатах, что за орлы?

– Сява с Мальком, не, они не при делах, они недавно зашли косяк дунуть, – уже ничего не скрывая, откровенничал Семён.

– Не при делах и ладно. Давай дальше, – подбодрил его майор.

– Антоха спрашивает, у тебя тачка на ходу? Я говорю: «На ходу». Он говорит, типа, скучно ему, поехали, мол, покатаемся. Мне с Людкой весь вечер друг на друга тарашиться – тоже не в прикол. Говорю: «Сиди дома. Скоро будем». Машину выгнал из гаража, железный – во дворе стоит. И мы поехали. Бес говорит: «Пойла возьмём, и ко мне, хата свободная – мать в ночь работает. Там и кореш ждёт». Ещё сказал, что у него дома тёлка сидит дожидается. Прикольная, говорит. Бухнём, ну и... Антоха, ты да я. Нет, она не будет против.

Ну, мы пойла взяли и к Бесу домой. Он не соврал – деваха действительно в квартире была. Только привязанная к батарее. Рот скотчем заклеен. Вижу – никакая она не шлюха... Понял я тут, что к чему и думаю: не-е! надо сваливать. Говорю, парни я домой лучше поеду, а они гогочут, неужели подруга не нравится. Мы ей тоже поначалу не нравились, а потом, знаешь,

«поговорили» с ней по душам, и она согласилась. Мы уже по два раза «отстрелялись»... Тут Бес наган достаёт и в другой карман перекладывает... Я понял, что деваться мне некуда...

Ну мы вмазали на кухне хорошенько, а потом в комнату. Девку отвязали. Она уже запуганная, даже и не сопротивляется. Одно заладила: «мальчики я все сделаю, только не убивайте...» Бес с Антохой её разложили... Я понимаю, а куда мне было деваться...

– Вот ублюдки видиков насмотрелись и потянуло, – не выдержал Коля.

– Мужики, честное слово не вру, я все понимаю... у меня батя по сто восьмой сидит...

– Ладно про батю, – поморщился Вышутин. – Давай про себя рассказывай.

– Да что рассказывать... Девку опять к батарее, а сами на кухню бухать. Уже и не помню сколько раз отвязывали... А потом мы с Антохой на кухне вдвоём сидели. Бес к ней один пошёл. Слышим, из комнаты: «Бац!» Вроде бы хлопок, да такой, что и не поймёшь – выстрел не выстрел. Будто хлопок такой громкий. Мы с Антохой в комнату, а там Бес стоит под лампочкой и шатается. Пистолет в руках, а она... На бок завалилась и лежит... В голове дырка. Я тут и протрезвел сразу... Бес – вообще никакой. Мы с Антохой её вытащили и в багажник. Решили, довезём до берега и в Амур. А тут мен... Да я уже про это рассказывал. Когда чуть оторвались от погони, сразу на тормоз... Там и вывалили её. Вроде, на Суворова...

– Бес с Антоном не говорили тебе, как девушка к ним в квартиру попала? – поинтересовался Паша.

– Они, в натуре, как партизаны сидели в засаде. Всё покрасившее выбирали, а потом – по голове тюкнули, и в дом притащили.

– Народ ведь кругом, неужели никто не видел?

– Ха! Народ, да сейчас все морду отворачивают: типа не видит ничего. Лишь бы их не тронули.

– Ладно проехали. Где эти уроды сейчас гасятся? – спросил Бобылюк.

– На пару дней решили из города слинять.

– Кто из этих, – Бобылюк кивнул на дверь кухни, – знает об этом убийстве?

– Никто! Я не рассказывал. Я ж не дурак.

– Андрей, Рома давайте понятых. Наркоту будем изымать, – скомандовал Борис.

– Вы ж обещали про неё... – заикнулся было Сёма.

– Это чтобы тебя, идиот, не подставлять, – перебил его Вышутин. – Делаем так, будто-то бы мы тебя взяли с наркотой. Ты нам, вроде бы как, никого не сдавал. А то, сам знаешь, людей в хате было много, болтать начнут, мол у тебя милиция «гостила», наркоту нашла и изъяла, даже протокол оформила. И всё, понял? Или ты хочешь, чтобы мы сказали от кого дорожка к Бесу пошла?

– Не-е! – переполошился Семён, замотав головой и руками. – Делайте, как сказали.

– Ну всё! Мы с Пашей забираем Семёна в отдел, по дороге покажет, где Бес проживает. А вам – коноплю изъять, опросить всех и на подписку. Закончите – свободны: по домам. – Сделал последнее распоряжение Вышутин.

В райотделе после оформления всех бумаг, передали бандюка в КПЗ. В наружку Вышутин передал данные на Беса.

– Ждём, пока этот отморозок выползет на свет, – подвёл итоги Борис. – А теперь домой отсыпаться.

6 глава

Тёплый летний день не хотел отпускать солнце с небосвода. Застоявшиеся без настоящего дела молодые воины с завистью смотрели на готовящихся к ночной вылазке. Этой ночью никто не хотел оставаться в лагере. От добровольцев не было отбоя, каждый рвался посчитаться со своими обидчиками. Но Грут отобрал только три десятка бойцов.

– Нам нужно не количество, а внезапность нападения и побольше паники в стане врага, – объяснил он свои действия остающимся в лагере воинам.

После чего он отобрал еще семь десятков воинов на роль выючных животных.

—

Ваша задача заключается в том, – сказал он им, – что после того как мы оттесним хазаров от обоза с продовольствием, вы захватите как можно больше продуктов и, ни в коем случае не ввязываясь в битву, переправите их к нам в лагерь. После чего отступит передовой отряд. Оставшиеся в лагере устраивают засаду в ущелье, и в случае погони прикрывают вернувшихся из вылазки.

Когда общая задача была поставлена, Грут, предоставив командирам самостоятельно готовить своих бойцов к ночной вылазке, направился к шатру королевы.

Тина со своими подругами что-то оживлённо обсуждала и весело смеялись. При виде старого воина девушки замолчали и, с преувеличенной скромностью, потупили глаза. Грут пробежал взглядом по девичьим лицам, догадавшись, что эти несносные девчонки затеяли какую-то авантюру. Сделав вид, что он ничего не понял, Грут обстоятельно доложил Тине о предстоящей вылазке, добавив что десять воинов десятка Эсбула останутся охранять свою повелительницу в лагере.

—

Спасибо за заботу о нашей безопасности мой верный Грут, – пряча улыбку, кивнула головой Тина. – Но здесь остаются мои подруги, которые не хуже мужчин владеют оружием.

—

Ничего, эти люди лишними не будут, и у меня на душе спокойнее, – благодушно ответил Грут.

—

Хорошо, если это так важно для твоего спокойствия, то пусть будет по-твоему, – согласилась Тина.

—

Пойду, отдохну перед ночью, – не подавая вида, что понял все замыслы молодёжи, поднялся Грут.

Слыша за спиной приглушённое хихиканье девушек, опытный воин усмехнулся: «Радуйтесь, радуйтесь, свире-стёлки. Задумали провести меня. Посмотрим, что из этого получится».

Грут располагался в крытой повозке неподалёку от шатра Тины. Пригласив Эсбула, он остался с ним наедине, о чём-то поговорил, и только потом лёг спать.

Душный зной летнего дня сменился прохладой вечера. На редких кустиках, росших по скалам, не шевелился ни один листок. Лагерь жил своей обычной размеренной жизнью. Воины в очередной раз проверяли личное оружие, выверяли балансировку стрел, точили клинки, наконечники копий насаживали на новые древки. Эти последние часы перед боем просто необходимо было чем-нибудь себя занять, чтобы успокоить нервы. У шатра королевы двое караульных лениво переговаривались между собой.

—

Слушай, Скол, мы что, сегодня не у дел?

—

Почему не у дел! Мы отвечаем за жизнь королевы.

—

Да, на такую красоту смотришь как на солнце, глазам больно, – мечтательно протянул воин.

—

Не прибедняйся, Шеен, я видел твою милашку, с которой ты по кустам прятался, – ухмыльнулся Скол.

—

Нашёл кого сравнивать, простую девчонку и королеву.

–

Ладно, успокойся, Шеен. Такая красота не про нас, она берётся либо на меч, либо по праву рождения.

–

Выбраться отсюда живыми, я б тогда отыгрался на молодках.

–

Отыгрался... А сейчас на наших девчонках хазары отыгрываются, – скрипя зубами, прошипел Скол.

Как бы медленно не текло время, но госпожа ночь твёрдо вступила в свои права, и на свежем воздухе стало прохладно и ветрено. Грут, поёживаясь, выбрался из своей повозки, посмотрел на небо. Ночь обещала быть тёмной. Боги благоволили к запертым в ловушке людям. Грут подозвал к себе караульного и приказал ему собрать всех участвующих в ночном набеге. Не успел посыльный скрыться в темноте, как на поляну около повозки стали собираться командиры со своими десятками.

– Повторяться не буду, сами знаете, кому что надо делать, – обратился он к воинам. – Сейчас выдвигаемся к нашим передовым постам и ждём, когда у хазаров стихнет веселье.

Затем он подозвал к себе трёх командиров и тихо сказал им, что он подойдёт позже. После того как все скрылись в темноте, он отправил одного воина к королеве передать просьбу о том, чтобы она со своими подругами пришла к нему в гости.

Сидя за столом, заставленном яствами, он услышал лёгкие шаги взбежавшей по лестнице Тины. Девушка легко впорхнула в комнату и, удивлённо распахнув глаза, замерла на пороге. Подтолкнув её вперёд, следом за ней просочились Гури и Эсна и также в немом изумлении уставились на стол.

– Что случилось, Грут? По какому поводу такое изобилие? – удивлённо спросила Тина.

– Да вот решил вас угостить. Сегодня, надеюсь, пополним свои запасы, – улыбнулся Грут. – Присаживайтесь и отведайте моих даров, а я пока схожу, отдам кое-какие распоряжения, – продолжил он поднимаясь.

Девушек не надо было приглашать дважды, и они, весело щебеча, устремились к столу.

– Что-то Грут расщедрился, неприкосновенный запас выложил, – уплетая персик, высказалась Гури.

– Уверен, что вылазка будет успешной, – поддержала её Эсна.

– Я и сама его не узнаю, обычно он никогда не растрчивает свои припасы, ожидая ещё худших времён, – непонимающе протянула Тина, – если только... – Она поднялась со своего места и устремилась к выходу.

– Так и есть! Он нас запер!

Девушка села на пол рядом с дверьми и от злости на себя, что так легко попала на хитрость своего главного телохранителя, расплакалась.

– Тина, не плач, поищем другой выход, – попыталась успокоить её Эсна.

– Какой выход, ты что не знаешь Грута! Думаешь он оставил нам хоть один шанс, – перестав всхлипывать отозвалась королева и поднялась на ноги.

Девушки принялись тщательно обследовать стены своей временной темницы. Но повозка была сделана на славу. Прочный каркас и крепкое дерево выдерживали и не такие нагрузки. И через полчаса девушки прекратили попытки освобождения.

– Ну, я ему припомню! – мстительно протянула Тина.

– Давайте гулять, – предложила Эсна.

– А давайте, не пропадать ведь добру! Наливайте вина! – воскликнула Тина, и протянула кружку под кожаное горлышко бурдюка.

А в это время Грут, так хитроумно осуществивший свой план, шёл в сторону выхода из ущелья. Его усы топорщились в довольной улыбке.

Когда он вышел из повозки то, приложив палец к губам, подозвал караульного, и они вместе осторожно заклинили двери заранее припасённым бревном. Затем приказал командиру десятки ни в коем случае не выпускать невольниц до тех пор, пока отряд не вернётся в лагерь.

Приблизившись к передовому дозору, где уже расположились все участники предстоящей операции, Грут подозвал к себе командиров десятков и дозорных воинов.

– Как там хазары себя чувствуют, – обратился он к дозорным.

– Гуляют, как обычно, но недавно стали успокаиваться, видно – поупивались, – ответил старший дозора.

– Ну что, сыны мои, опохмелим каганских слуг, – всматриваясь в костёр передового поста хазаров, обратился к воинам старый служака.

У молодёжи в предвкушении настоящего дела заблестели глаза. Наконец-то выпадал случай посчитаться со своими обидчиками.

– Драгмир, – обратился он к старшему из разведчиков, которые за сутки до этого были посланы выяснить расположение и порядок несения службы дозорами, охраняющими вход в ущелье. – Поведай нам, что вам удалось выяснить о противнике?

Драгмир подполз поближе к Груту и стал не спеша докладывать результаты разведки:

– Выход в долину стерегут пять постов противника. Первый пост располагается прямо у выхода из ущелья на расстоянии одного стрелища. Остальные четыре шагах в пятидесяти у них за спиной располагаются в форме подковы и своими флангами упираются в скалы по краям от нашего ущелья. В общем, если один пост поднимет тревогу, то остальные обязательно услышат, но на помощь пойдут едва ли, из-за опасения, что это ложный удар. Ну и при отходе попортят нам крови изрядно.

– Каким числом воинов располагает каждый дозор?

– Примерно около трёх десятков хазаров, пятеро постоянно бодрствуют. Кроме того, по всей долине рыщут конные разъезды, в каждом не менее сотни всадников.

– Да уж, закупорили нас тут надёжно, – задумчиво произнёс Грут. – А теперь слушаем меня внимательно: все посты снять бесшумно нам удастся едва ли, слишком их много, обязательно помешает какая-нибудь случайность. Поэтому поступим следующим образом. Снимаем ближайший дозор. Затем один из оставшихся четырёх, и в образовавшуюся брешь бесшумно просачиваемся в лагерь хазаров. А там действуем по плану. Оставшаяся сотня как можно ближе подтягивается к остальным дозорам, и когда в стане противника начнётся сеча, уничтожьте их. После чего вернётесь назад и перекроете ущелье. Когда мы будем возвращаться назад, отсекайте от нас погоню. Стрелами старайтесь близко врага не подпускать. – Отдал Грут последнее распоряжение.

Первыми, незаметно растворившись в темноте, пошли разведчики. Следом за ними три десятка нападающих во главе с самим Грутом.

Разведчики бесшумно подползли к посту и притаились в темноте. Вокруг двух костров вповалку лежали спящие враги. Шесть стражей не спало, они сидели вокруг одного кострища и о чём-то вполголоса переговаривались. Они расположились так, что подползти к ним незаметно было невозможно. Тогда Драгмир специально хрустнул веткой. Воины, привлечённые шумом, замолчали и обратили свои взоры в темноту, однако разглядеть что-либо им мешал свет костра. Двое из них поднялись и, на ходу обнажив сабли, двинулись в сторону шума.

Едва они вышли за полосу света, как стали невидимыми для своих товарищей. Драгмир, зная о том, что в первые мгновения хазары будут, словно слепые котят, мгновенно скомандовал:

–

Вперёд!

Двое бойцов молнией метнулись к противнику. Холодный металл бесшумно поставил точку в жизни неосторожных стражей. Зажатые ладонями рты не издали ни одного звука, тела были аккуратно опущены на траву.

Не теряя ни секунды, гунны накинули на себя халаты и шапки убитых и с обнажёнными мечами вернулись в освещённый круг. Свет костра позволял видеть лишь силуэты приближающейся смерти. В два прыжка преодолев оставшееся расстояние, воины рубанули сверху вниз своими мечами двоих сидящих на корточках врагов. Хрустнули перебитые шейные позвонки. И не успели их тела свалиться на землю, как кинжалы разведчиков пошли в ход. Быстро и слажено работали разведчики. Тем временем подтянулись их товарищи во главе с Драгмиром, и началась резня. В течение минуты с караулом было покончено. Драгмир издал два условных крика, и разведка направилась к следующему посту.

Грут во главе трёх десятков двинулся вглубь расположения противника. Достигнув первого караула, он с гордостью отметил отличную работу своих питомцев и, не задерживаясь, отряд проследовал дальше. Около костров второго караула к моменту прибытия отряда уже также всё было кончено.

—

Ну что, молодцы, продолжим действовать соблюдая тишину, пока нас не обнаружат. А как только обнаружат, наоборот, создадим побольше шума для возникновения паники в стане врага. Друг от друга не отрываться. Следуйте за своими командирами. Сигнал к отходу – начало пожара, но это должно произойти только после ухода группы с провиантом, – отрывисто скомандовал Грут и первым устремился вперёд.

Основные силы хана Курата находились примерно на расстоянии четырёх – пяти перестрелов от уничтоженного дозора. Не колеблясь ни секунды, три десятка бойцов и Драгмировские разведчики последовали за своим предводителем. Первым делом нападению подвергся обоз ха-заров. Со стороны могло показаться, что в стан ханских войск ворвался вихрь, до того быстро и слаженно действовали воины. В свете костров алчно сверкала сталь клинков.

Минут десять над станом стояла тишина, а затем как-то резко, она была разорвана криками людей, звоном оружия и визгом женщин. Всё чаще то там, то здесь стали возникать очаги сопротивления, которые перерастали в активные боевые действия.

Грут, ловко орудуя двумя саблями, шёл напролом от кибитки до кибитки, оставляя за собой кровавое месиво. Следом, прикрывая ему спину, шли четверо телохранителей. Грут, видя, что сопротивление врагов принимает более организованный и ожесточённый характер, посмотрел в сторону обоза – захватив трофеи, воины отходили к ущелью. Тогда обернувшись к двум уцелевшим телохранителям, Грут прохрипел:

—

Огня!

И выхватив из-за пояса факел, сунул его в ближайший костёр, а затем швырнул в шатёр. Войлок шатра моментально вспыхнул, осветив прилегающее пространство и безжизненно распростёртые на земле тела. Телохранители в точности повторили его действия. Еще две кибитки составили компанию горящему шатру. Следуя их призыву, то здесь, то там стали вспыхивать вражеские шатры и кибитки, отмечая те места, где бились люди Грута. Теперь воинам предстояло оторваться от противника и вернуться к ожидающим их товарищам.

Ветер играючи подхватил огонь и стал перебрасывать его от кибитки к кибитке, а бойцы благополучно вернулись под защиту сторожившей ущелье сотни.

– Стрельцы, на позицию, сейчас ползут! – Крикнул Грут, переваливаясь через каменную баррикаду.

Но и без его команды все были готовы к отражению вражеской атаки. Едва вал хазар приблизился на расстояние прицельного полёта стрелы, как в небо взлетели первые предвестники смерти, и со свистом обрушились на врагов, вышибая из них боевой дух, а заодно и жизнь.

Стрельцы успели послать по три стрелы, прежде чем в ответ зазвенели опереньями стрелы противника. Воины Грута спокойно и деловито приняли их на щит. Сумрак ущелья мешал хазарам вести прицельную стрельбу, а стрелы гуннов разили врагов практически без промаха, уж очень много скопилось их у входа в ущелье.

Когда эффективная стрельба обороняющихся сбила с хазар боевой пыл и их стрелы стали лететь в полном беспорядке, гунны сменили тактику. Один воин, взяв в руки два щита, стал прикрывать ими себя и товарища, который в это время посылал во врагов стрелу за стрелой. Такая тактика вполнину уменьшала количество стрельцов, но благодаря своей неуязвимости они стали чаще метать стрелы. Хазары, видя, что пространство вокруг них покрывается телами погибших, сначала остановились, а затем рванули назад. Никто из них не слышал стонов раненых, каждый думал только о том, как оказаться на безопасном расстоянии от жалящих стрел.

Как будто по заказу на небо выплыл месяц и словно днём высветил все до того потаённые уголки. Вот тогда и началась настоящая потеха. Стрельцы, словно на учебных стрельбах, неспешно выцеливали противника и уже практически без промаха добивали хазар.

Молодые воины гуннов ликовали. Как сладка, бывает исполненная месть.

Грут осмотрел ряды своих бойцов и приказал явиться к нему десятников со сведениями о потерях. После доклада стало ясно, что погибло восемь человек. Но радовало то, что даже невооружённым взглядом было видно, что потери хазар в десятки раз больше.

Довольный военачальник распорядился, чтобы одна сотня оставалась на позициях, а вторая забирала убитых и раненых и отправлялась в свой лагерь отдыхать. Сам же он ещё около часа наблюдал за действиями неприятеля, а затем, вспомнив, что у него в заточении находится королева, поспешил в свою повозку. Тем более что враги зализывали раны и не предпринимали не каких активных действий.

Подойдя к своей повозке, он тихонько поинтересовался у караульного:

– Как там королева, здорово буянила?

– Да как сказать, сразу пытались двери выбить, но не удалось, – ухмыльнулся воин. – Затем мне грозились всякими карами, но я не отвечал.

– Мои двери нужно вышибать только тараном, – Грут самодовольно улыбнулся.

– Они, наверное, тоже так подумали, поэтому всё остальное время сидели тихо.

– Ладно, давай сменяйся и помни – никому ни слова, – распорядился Грут. – И ещё, пригласи мне Эсбула.

Бесшумно приоткрыв дверь, Грут заглянул внутрь помещения. Там он увидел вполне мирную картину. Подруги, прижавшись друг к другу, безмятежно спали на шкурах. Усмехнувшись в усы, Грут сильнее потянул на себя двери и сделал шаг в помещение. Раздался грохот, из глаз посыпались искры, на пол с плеч свалился опорожнённый от воды деревянный ушат.

«Вот, чертовка! Отомстила!» – потирая ушибленный затылок, подумал Грут.

Девушки были уже на ногах и бросились к своему тюремщику.

– Как ты мог, как ты посмел!? – от возмущения Тина не находила слов.

– Прости, королева, но, мне кажется, я догадался, что ты задумала. Я не имею права рисковать твоей жизнью, – ответил Грут.

– Я не маленькая и самостоятельно могу принимать решения! – В глазах у неё появились слёзы и уголки губ от обиды дрогнули.

– Никто и не спорит! Ты королева! И пока ты жива, твой народ надеется на лучшее. Я не могу и не имею права отнять у него эту надежду, – медленно, стараясь быть как можно серьезнее, произнёс Грут.

– И что я, по-твоему, должна теперь всю свою жизнь прятаться от малейшей опасности?

– Риск должен быть разумным и оправданным. Произошедшее сегодня – это лишь небольшая стычка.

– Всё равно ты не должен был так со мной поступать.

– Прости старого дурака, просто я за тебя отвечаю перед памятью твоих родителей, – Грут прошёл к столу и налил себе полный ковш вина. – За нашу победу! – Он поднял ковш и в один приём осушил его.

– А ты подумал, что после всего случившегося скажут мои подданные?

– Ничего они не скажут. Стражники будут молчать.

Опасаясь, что она сейчас вновь расплечется, Тина выскользнула из возка, и, чуть ли не бегом направилась в свой шатёр.

– Хм! – гордо задрал подбородки, фыркнули её подруги и двинулись к выходу.

– Идите, идите, вертихвостки! – устало махнул рукой воин. – Мне надо отдохнуть.

Девушки догнали Тину. Потом все вместе они уединились в шатре. Там на своей территории они с упоением стали придумывать планы «ужасной мести» Груту.

7 глава

Из райотдела домой на улицу Малиновского Павел добрался на расхлябанной «дежурке». Поднявшись в квартиру, первым делом «прошёлся» по кухне, без разбора сбросил всё со стола в пакет, и пошёл принимать душ. Словно зомби приготовил ко сну диван и залёз под одеяло. Всё это время у него перед глазами неотступно стоял образ прекрасной амазонки с рысьими глазами. Тяжко вздыхая и кряхтя, он ворочался с боку на бок, пока бессонная ночь не дала о себе знать, а навалившийся сон прекратил его душевные муки.

Разбудила его назойливая трель входного звонка. Тяжело качаясь, он прошёл к двери и рывком распахнул её. За дверями стояла его недавняя знакомая Татьяна, студентка Хабаровского института медицины, которую он отбил у горячих кавказских джигитов в ресторане «Русь».

Павел, не говоря ни слова посторонился, пропуская свою знакомую в квартиру, и пробурчав что-то нечленораздельное, отправился досыпать.

Девушка, повесив ветровку на вешалку, проводила взглядом мощную, словно переплетённую стальными канатами мускулистую фигуру своего спасителя. Заглянув на кухню и обнаружив там остатки ночного загула, понимающе вздохнула.

Пока Павел спал, она наводила порядок и вспоминала о том, как они познакомились. Про скандал и драку в ресторане, где незнакомый ей светловолосый парень, как герой крутых боевиков, разбросал по танцевальному залу десяток друзей её обидчика... Как они стремительно покинув ресторан, уходя от ещё больших неприятностей, отправились к Амуру... После длительной прогулки, как-то само собой получилось, что она оказались у Павла в этой самой квартире...

От приятных воспоминаний её бросило в жар, тело само начало вспоминать все прикосновения ласковых и сильных рук. Больше не в силах сдерживать свои желания Таня швырнула тряпку в раковину и решительно направилась в спальную.

Не подозревая о проснувшемся в его квартире «вулкане», Павел бессовестно спал. Девушка, торопясь, стянула с себя тонкий свитер, скинула джинсы и нырнула под одеяло.

Павел, не желая просыпаться, повернулся к ней лицом и спокойно засопел дальше. Ну, уж нет! Таня, задыхаясь, стала целовать его в губы, шею, плечи...

– Кофе в постель не будет, – раздался с кухни Татьянин голос. – Так что вставай, лежебока.

Павел вышел на кухню. Девушка была в его рубашке. Он невольно задержал взгляд на вызывающе обнажённых бёдрах. Почему-то смутился: «Знает в чём сила и беззастенчиво этим пользуется», – подумал он, усаживаясь за стол напротив.

– Послушай, красотка, а в котором часу ты ко мне пришла? Я смотрю, ты здесь уже основательно похозяйничала.

Телефонный звонок не дал Павлу дослушать рассказ Татьяны о том как она сбежала с последней пары... Он поднял трубку и услышал голос Вышутина:

– Пахан, кончай ночевать. Только что вышла на связь «семёрка». Они засекли Беса.

– И где же он проявился?

– Домой, представляешь, в наглуую припёрся, и сейчас, скорее всего, подушку давит.

– Куда подтягиваться?

– Как куда? В отдел! Вооружаемся, получаем бронники, и вперёд на врага.

– Никуда он не пойдёт! Я его не отпущу! – закричала в трубку подкравшаяся сзади Татьяна.

Павел прикрыл ладонью трубку и состроил девушке свирепое лицо.

– Ты чего орёшь, это моё начальство.

– А бедной девушке плевать. Бедная девушка не вынесет новой разлуки! – выступало подбоченясь юное создание. – Поматросил и бросил!?

Павел больше не в силах выносить этого зрелища расхохотался. А из трубки сыпались вопросы Бориса:

– Что там, чёрт побери, у тебя происходит? Ты с бабой? Ты же говорил, что с этим делом завязал?

– Не «баба», а леди, – немедленно отреагировала разошедшаяся особа. – Пашенька, он обозвал твою девочку бабой, набей этому хаму морду.

Пашка с восхищением смотрел на бушующую подругу и от души хохотал:

– Ну, ты и выдала ему! По полной программе.

На той стороне провода Вышутин огорашенно рассматривал телефонную трубку. Затем, словно опасаясь, что сейчас оттуда выскочит хозяйка голоса, быстро положил трубку на аппарат и прижал ладонью.

Насмеявшись вволю, капитан пошёл собираться на службу. Из кухни раздавалось звяканье посуды и возмущённый голос:

– Нашел бабу! Бабы на базаре семечками торгуют, а я будущий доктор!

– Ну, всё, я пошёл, оставайся и жди меня, – он притянул к себе Татьяну и крепко поцеловал. Затем решительно вышел из квартиры.

В отделе, кроме дежурного наряда и группы «по тяжким», уже никого не было. Для основного населения страны трудовой день уже был окончен.

– Я Бобылюка не стал поднимать, справимся вчетвером, – сообщил Борис сослуживцам после того, как все вооружились и получили бронежилеты и сферы.

– Ну и слава Богу хоть, в машине не придётся давиться, – откликнулся Павел.

– Всё, орлы, по коням, – скомандовал майор Вышутин, и опера высыпали на улицу.

Подъехав к дому Беса, стали дожидаться наступления темноты. Офицеры лениво переговаривались и часто поглядывали на подъездную дверь, боясь проворонить урода. Когда стемнело, выдвинулись на исходные позиции.

Бес жил на втором этаже, и поэтому была реальная возможность, что он сиганёт через окно. Под окном оставили Павла, подъезд страховал водитель, а майор с молодняком отправился штурмовать двери.

Наверху раздались крики и слышались удары. «Начали выбивать двери», – подумал Павел.

Наблюдая за окном, он увидел, как оно открылось, и из него на землю выпрыгнул человек. Капитан, недолго думая, подскочил к нему и в течение нескольких секунд зафиксировал в браслеты. И тут у него автоматически сработал рефлекс на опасность, он лишь успел поднять голову и принять на себя летящее из окна тело. Угасающим сознанием он понял, что семёрка проворонила второго подельника...

В отключке он был недолго. Придя в сознание, обнаружил под собой бездыханное тело, а спина второго маячила метрах в двадцати по направлению к полуразрушенному зданию. В доли секунды обыскав лежащего, Павел выдернул у него из-за пояса наган, и бросился за беглецом.

«Если наган оказался у этого, то значит, я повязал Беса, а спринтует Антон», – на бегу рассуждал он.

Преследуемый уже скрылся в строении. Не опасаясь, что у него может быть оружие, капитан сходу влетел в здание, и провалился в какую-то тёмную пустоту.

«В ловушку заманил», – мелькнула запоздалая мысль.

Совершив головокружительный полёт, во время которого он несколько раз кувыркался через голову, Павел брякнулся на землю. Прежде чем сознание во второй раз за последние

минуты покинуло его, он успел удивиться какому-то несоответствию времени полёта и предполагаемой глубины подвала.

8 глава

Каган Курат проснулся от доносившегося неясного шума. Приподнявшись, он недовольно посмотрел на телохранителя:

– Что там происходит?

– Гунны напали на обоз.

До сражавшихся ещё было довольно далеко, когда отряд телохранителей во главе с Куратом увидели в ночи вспыхивающие огни. Горели кибитки и шатры хазарских воинов. Стало видно разворачивающееся действие. Вот стали отходить с захваченными повозками и провиантом воины гуннов. Вслед за ними двинулись небольшие группы поджигателей. С возвышенности Курат хорошо видел, как его воины устремились вслед за нападавшими.

– Верни этих глупцов! – повернулся он к стоявшему рядом Алану.

Алан отдал короткое распоряжение одному из сотников. Но не успел тот добраться до преследователей, как они угодили в засаду и были встречены градом стрел. Каган в бессильной злобе закричал зубами. На его глазах, казалось бы, обречённые гунны устроили бойню для зарвавшихся воинов.

– Ну, погоди, дочь шакала! Ты мне за всё ответишь! – злобно прошипели обескровленные губы.

Сотник с приказом добрался до бессмысленно гибнущих отрядов, и те начали в беспорядке отходить. На поле скоротечного ночного сражения лежали груды тел. Потери были ужасающими, это было видно даже издалека. Каган, распорядившись, чтобы до утра не предпринимали никаких действий, в сопровождении свиты последовал к своей ставке. По пути он приказал Алану, чтобы был найден тот глупец, который повёл людей в погоню.

В шатре, развалившись на коврах, он предался сладостным мечтам о мести, но поймал себя на мысли, что в последнее время слишком часто об этом думает.

«Старею что ли?» – промелькнуло в голове.

Каган хлопнул в ладоши, и из соседней половины выплыли полуобнажённые танцовщицы. Призывно извиваясь, они кружили вокруг впавшего в раздумья повелителя. На их лицах застыли вымученные улыбки.

Тем временем паника в стане утихла и он зажил своей обыденной жизнью. С места недавнего побоища доносились стоны и мольбы о помощи. Однако попытка вытаскивать раненых с поля боя была пресечена стрельбой со стороны гуннов. Месяц, который не желал уходить с небосвода, сейчас был союзником осаждённых.

Около одного из многочисленных костров лежали и сидели хазарские воины из десятки Джамуда. Кривой Мусса рассказывал очередную историю:

«А девы те, будучи многим числом, изгнали из своих стойбищ всех мужчин, от мала до велика, и сами стали вести хозяйство. У них появились свои охотники, свои воины. И не было во всей степи воинов свирепее и злобнее их. Жили они скотоводством и лихими набегами. Пуще смерти был для них позор возлечь с любовником мужского рода в неурочный для этого час. Любовь у них была одного полу. Несколько женщин любили друг друга и сражались в одном десятке. И невозможно было их победить по той причине, что они друг за друга грызли врагу горло. Чтобы завести потомство, они оставляли в живых самых крепких и выносливых воинов и превращали их в рабов. Каждая дева возлегалась с таким воином, пока не становилась в тяжести».

–

Я бы согласился на такое рабство, – под громкий смех приподнялся невысокий кривоногий человек.

–

Ты что, Максуд, ты в этой очереди был бы последним, – валясь от смеха наземь, взвизгнул один из воинов.

–

Не мешай, дайте человеку досказать, – слышались возмущённые голоса.

–

Если бы Максуд не был таким нетерпеливым, а дослушал, то он бы не спешил в плен к этим фуриям, потому что этих воинов-производителей после соития девы лишали мужского достоинства. Дабы не было у них других братьев и сестёр и не смог бы зов крови толкнуть их на предательство. Так что ты, Максуд, был бы сейчас скопцом и служил в гареме у султана, – под общий хохот закончил рассказчик.

Воины стали просить парня, не обращая внимания на Скопца Максуда, чтобы он продолжил свой рассказ. Обидная кличка прилипла к кривоногому Максуду сразу и до смерти. В прошедшие времена прозвище для человека было вторым именем и употреблялось гораздо чаще, чем имя. Мусса хитро улыбнулся и продолжил:

«Прозывалось это племя амазонками. Таким образом, покорили они своей воле многие племена и народы. И могло бы так случиться, что правили бы сейчас нами эти жёны и не они бы служили нам для наслаждения и утехи, а совсем наоборот. Однако появился в те времена великий и непобедимый каган. Звался он Искандер Двурогий. И пошёл этот хан великим походом на многие соседние племена и народы. Были его воины непобедимы в битвах и полмира подчинили своей воле. Самое яростное сопротивление им оказали амазонки. Но и они не смогли устоять в битве с Искандером Двурогим. Он почти полностью уничтожил неустрашимых воительниц, а остатки их армии отступили глубоко в горы. С тех пор об этом племени больше никто ничего не слышал. Но ходят слухи, что там, далеко в горах, они копят силы, чтобы вернуться и отомстить всему мужскому роду».

Рассказчик перевёл дух. Месяц уже скрылся с небосвода, и на востоке забрезжил рассвет. Воины сидели притихшие, словно неведомые амазонки уже сейчас спускаются с гор, чтобы лишить их мужского начала.

Затем стало происходить что-то необъяснимое. Поднялся ветер и не известно откуда налетевший смерч взметнул вверх тучи песка, такие, что не стало видно рядом сидящего. Ударил молния, и раздался раскат грома, однако дождь не пошёл. Вместо этого внезапно налетевший ветер так же быстро стих. Когда тучи песка улеглись, то воины в страхе отшатнулись от костра. Рядом с костром на земле вверх лицом лежал чужак. Его руки были широко раскинута, глаза на безбородом лице плотно закрыты. Было видно, что сознание покинуло это огромное тело.

Тело было действительно немаленьким. И вряд ли хоть один человек из войска хазар мог бы соперничать с ним в росте. Хотя ширина плеч была обыкновенной, были воины и с более широкими плечами. Светлые, как у славянских племён, волосы коротко пострижены. Из-за этого никто и не подумал, что он мог быть лазутчиком гуннов: те были смуглые и тёмноволосые. Выглядела совершенно чужой и его одежда. Воины даже не могли припомнить, у каких народов могли так одеваться. На ногах поршни необыкновенного пошива. Штаны синего цвета, и непонятно из какого материала сшитая верхняя рубаха. Судя по надетому на голову каске-шлему, это был воин. Однако никакого оружия при нём не было.

Приблизившись к чужаку, один из хазар тронул его остриём копья. Но оно наткнулось на преграду.

– Брешь, – пронёсся шёпот среди воинов.

Непонятным было то, как он мог здесь оказаться? Мозговые извилины воинов могли объяснить это только с вмешательством неведомых богов либо нечистой силы.

– Может быть, убить его, пока он не пришёл в себя, – робко прошептал Максуд.

– Можно и убить. Только кто это сделает, чтобы не навлечь на себя гнев богов. Может быть, ты? – спросил его Кривой Мусса.

Навлечь на себя гнев неведомых сил, было самым страшным наказанием для живущих на земле. Гораздо легче героически погибнуть в бою.

– Убивать не станем, – взял инициативу в свои руки Джамуд. – Если это посланник всевышних сил, то его судьбу могут решать только Боги или сам великий каган.

Воины с опаской приблизились к чужаку. Тот не подавал признаков жизни, но дыхание было ровным. Значит живой.

Джамуд раздумывал: послать гонца с удивительной вестью к кагану сейчас, или подождать, когда незнакомец проснётся? В его душу закрадывались сомнения, если бы это был бессмертный, то навряд ли он лежал бы в беспомощности как обычный смертный. А забросить его сюда могло этим неожиданным смерчем. «На свете много необъяснимого», – подумал он философски.

Незнакомец пошевелился и, громко чихнув, сел.

Читатель, наверное, уже догадался, что этим незнакомцем был Павел. Неизвестно по каким законам вселенной он оказался в глубоком прошлом, обозначенном в истории как «Великое переселение народов». Однако, в своём сознании он ещё преследовал насильника. Поэтому когда он увидел вокруг себя заросшие рожи одетых в какие-то непонятные обноски людей, то вначале подумал что это всего лишь подвальные бомжи.

– Ну что, чучело, уставился, – повернулся он к небритому недоразумению, стоявшему к нему ближе всех.

Тот в неподдельном страхе отпрянул, и выставил перед собой кривую саблю. Павел удивился: «Опа, бич, а с холодным оружием!» Однако приглядевшись, он обнаружил, что все бомжи имели азиатскую внешность и каждый был вооружён старинным оружием.

Капитан милиции Павел Горюнов в изумлении огляделся, но вместо подвальных стен обнаружил, что сидит на травке, а где-то вдалеке встаёт ясно солнышко. Сознание отметило, что травы быть не должно: ещё не сезон. Также напрочь отсутствовал пейзаж родного промышленного города. Вместо него, с одной стороны – бескрайняя степь, а с другой – горный ландшафт. Словно во сне блуждал взглядом по окружающей его действительности, лениво отмечая всё больше и больше несоответствий между привычной средой обитания и местом, где он оказался.

В голове мелькнула спасительная и, казалось бы, всё объясняющая мысль: «Может, я при падении звезданулся головой и съехала крыша? А сейчас я на улице Кубяка в дурике?»

В это время вполне реальные обвешанные оружием бомжи предприняли попытку приблизиться. Павел взялся за голову. Руки наткнулись на сферу. Он похлопал себя по груди – так и есть, под ветровкой был надет бронник. Из оперативки торчала рукоять штатного ПээМа, а в кармане лежал изъятый у Беса наган.

Мозг отказывался воспринимать происходящее. Или это чья-то недобрая шутка, или я на самом деле нахожусь у дикарей. В голове всплыли похождения Хэнка из книги «Янки при дворе короля Артура». Какой-то маразм, Павел передернул плечами.

Между тем дикари взяли его в плотное кольцо и по команде устрашающего вида предводителя кинулись к нему с очевидным намерением взять в плен. «Ну, вот ещё, – подумал капитан. – Какие-то зачуханные бомжи собираются полонить офицера армейского спецназа».

Когда дело дошло до рукопашной, капитана чуть не стошнило от отвращения. От немытых тел его новых знакомых не просто пахло, а отвратительно воняло. А из выдыхающих ртов несло смрадом от ни разу не чищенных зубов. Почему-то этот запах до конца уверил Павла в том, что он действительно оказался у дикарей то ли на другом краю света, то ли в другом временном измерении.

Это понимание требовало адекватных действий во имя личной безопасности. И уже ни о чем не раздумывая, Павел, пользуясь техникой рукопашного боя, которая гласила, что для победы не трать своих сил, а воспользуйся силой противника, стал, словно щенков раскидывать нападавших.

Мечи, копья и палицы летели в одну сторону, а их незадачливые хозяева в другую. В ту пору самым крутым считался боец, который безо всяких затей либо ударом кулака, либо дубины сшибал наземь своего супротивника. Поэтому обезоруженные и позорно валяющиеся на земле воины не могли взять в толк, что произошло. В их понимании один безоружный воин не мог в течение нескольких мгновений справиться с десятком вооружённых бойцов.

Видя, что никто убивать их не собирается, незадачливые нападавшие, кряхтя и потирая ушибленные места, стали подниматься на ноги. Восхищённо цокая языками, они с детской непосредственностью разглядывали непобедимого батыра.

– Послушай, Джамуд, может действительно посланник неба, – обратился к десятнику один из воинов. Я хожу в набеги уже двенадцать лет, но такого непобедимого воина вижу впервые.

Павел почему-то понимал их речь, хотя чувствовал, что разговор происходит не на русском языке.

– Нет, Плешивый, просто он очень сильный воин, – ответил ему тот.

– Мужики, подскажите, куда это меня занесло? – встрял в разговор капитан.

Все уставились на Павла, словно он был привидением.

– Ну что смотрите, чумазые, не верите, что я могу так запросто по вашенскому базлать, – Павел, сам не зная почему, скатывался на блатной жаргон, но ему казалось, что нормальная речь для этих псов войны будет непонятна.

Его догадку насчёт их специальности подтвердили слова предводителя:

– Ты находишься в стане непобедимого хана Курата, а мы его воины. Поведай нам, какого роду-племени ты сам и как сюда попал? Неужели тебя принёс к нам смерч?

Капитан несколько мгновений соображал, в каком качестве ему предстать перед этими детьми природы. Если представиться посланцем Богов, то, того и гляди, начнут требовать подтверждения моего божественного начала.

Покажи нам, божественный, чудо. А какие я могу чудеса показать? Руками да ногами махать, ну и челюсти сворачивать. Хотя военные, кажется, в этом мире в авторитете.

– Воин я, вернее был у себя на родине командиром воинов. Роду-племени я славянского, – пытаюсь быть серьёзным, начал свою легенду Павел. – А что, смерч давно прошёл?

Узнав, что смерч прошёл около часа назад и что он, капитан уголовного розыска, каким-то непостижимым образом выпал из этого смерча буквально на головы ошеломлённых дикарей, капитан приободрился и стал вдохновенно сочинять свою историю дальше.

– Вышел я во главе отряда на учения, а тут откуда ни возьмись, налетел страшный ураган. Меня вырвало из седла и дальше я уже ничего не помню. Кстати, а к какому племени принадлежит войско достопочтимого Курата ?

– Мы воины великого хазарского каганата! – гордо расправил плечи десятник.

Из памяти выплыло школьное: «Как ныне сбирается Вещий Олег отмстить неразумным хазарам... Вот же чёрт меня занёс!» Из школьной программы Павел знал, что Русь пошла от Вещего Олега. Что князь Святослав погиб под хазарскими саблями. А после князя Владимира, крестившего Русь, хазарский каганат канул в Лету. Если исходить из того, что хазары никак не отреагировали на сообщение о том, что он славянин, то следует, что с Русью они ещё не воюют. А это может обозначать только одно. Он попал во времена более ранние, чем приход к власти скандинавов во главе с Вещим Олегом. А на сколько ранние, предстоит аккуратно выяснить.

– С кем воюем? – Поинтересовался он у десятника.

– С гуннами.

Название народности Пашке ничего не говорило. Вернее были какие-то смутные воспоминания. На ум пришёл фильм «Дакки», но это, помнится, были румыны и воевали они с Римом. «Аттила!» – высветилось имя предводителя гуннов, и память заработала намного эффективней. А ещё пятёрку по истории имел, – позлорадствовал внутренний голос.

Увлечённый экскурсом в историю, Павел не заметил, как Джамуд о чём-то пошептался с Максудом Скопцом и тот куда-то исчез. Десятник отправил Скопца с сообщением о необычном даре неба к сотнику. Пусть он сам решает дальнейшую судьбу славянина. Будь воля Джамуда, он бы оставил такого искусного воина в своём десятке.

Капитану милиции вспомнилось, что в те времена государством, ведущим активную агрессивную политику выживания, была Византия. Императора Византии воины воюющих племён могли знать. Богатства последнего оплота некогда могущественной Римской империи в те времена привлекали многие варварские племена.

– А что, в Византии по-прежнему старый император? – забросил он пробный шар.

– Император Константин, – выказал эрудицию самый образованный Мусса Кривой.

– Если ты воин, то где твоё оружие? – запоздало проявил бдительность Джамуд.

– Наверное, растерял пока смерчем крутило, – спокойно ответил Павел, а сам подумал: «Если я продемонстрирую тебе наше оружие, то ты все ляжки себе обгадишь. Жаль патронов маловато – шестнадцать штатных, да неизвестно сколько в нагане».

Затем его голова продолжила работать в уже заданном направлении по определению своей личности во времени и пространстве. Имя Константин не добавило конкретики. В истории Византии их было более десятка.

– А какой? – задал он уточняющий вопрос.

– Сын Константа, – последовал ответ.

«И опять мимо», – недовольно поморщился Павел, а вслух произнёс:

– Который по счёту?

– Четвёртый, – хмыкнул Мусса Кривой.

Капитан вновь обратился к памяти. Историю Греции, Рима и Византии он знал неплохо. Даже вспомнил, что отец нынешнего императора пал в шестьсот шестьдесят восьмом году от рук заговорщиков в Сиракузах. Сам же Константин прославился своим прозвищем Погонат, то есть бородатый, и тем, что приказал отрезать носы своим братьям. (Увечные претенденты не имели права на византийский трон) После поражения от болгар он признал их государство, и позволил обосноваться на бывших фракийских землях. Умер в тридцать три года от дизентерии.

«Хорошо всё-таки иметь отлично по истории!» – самодовольно подумал он.

– Со временем более-менее было понятно. Время становления славянских государств. Болгарское ханство. Хазары. Авары... – Далее память отказывалась подсказывать что-либо ещё. – Ну ничего, как-нибудь на досуге повспоминаю.

Заняться определением своего географического положения ему не позволили дальнейшие события. От сотника прибыл Максуд с приказом привести чужака для решения его дальнейшей судьбы. Джамуд вместе с Павлом отправились к кибитке сотника.

По дороге десятник наставлял капитана:

– Я скажу Салаху, что ты был знатным воином в своём роду, но только не говори ему, что один и без оружия одолел весь мой десяток.

– Не беспокойся, я не болтливый, только скажи ты мне, куда это меня нелёгкая занесла? В какие земли?

– Это земли гуннов, но после пятилетней войны они стали принадлежать нашему хану Курату.

– Это я слышал, а где эта местность расположена?

– Видишь эти горы? – повернулся Кубрат в сторону видневшихся отрогов, – это предгорья Кавказа, туда мы загнали последний отряд гуннов во главе с их королевой.

Если скакать на полудень то через три-четыре перехода будет море Понтийское. На закат – море Меотидское.

Павел понял, что он находится на территории нынешнего Краснодарского края. На самой его границе с черкесами. На душе стало немного легче: свои земли, российские. Он уже начал мириться с тем, что с ним произошло. Сидя на колесе от арбы рядом с кибиткой сотника, он с ленивым видом оглядывался по сторонам. Вокруг него около полутора десятка воинов тарасили глаза на необычно одетого человека.

Джамуд задерживался.

Внимание капитана привлекла группа людей, вероятно рабов, которые, под ударами плетей, переносила мёртвые тела. Другая группа складывала эти тела в кучи.

С неприятным скрипом раскрылась дверца кибитки, и на пороге возникли Джамуд и высокий, с грубо высеченными чертами лица, воин. Он внимательно осмотрел капитана и повернувшись к Джамуду, произнёс:

–

На вид вроде бы крепкий, а каков он в деле?

–

Без оружия дерётся здорово, с оружием – не видел.

–

Ну, так надо проверить, – он посмотрел в сторону тусующихся без дела ротозеев, и махнув рукой, подозвал к себе самого здорового из них. – Ну-ка, Хаврул, покажи чужеземцу, как бьются подданные кагана Курата.

Хаврул довольно ощерил свою безобразную рожу. Коренастый и кривоногий он больше всего походил на орангутанга. Павел невозмутимо поднялся на ноги и сделал шаг навстречу противнику. Вокруг моментально стала собираться разношёрстная толпа хазарских нукеров.

–

Дайте ему меч, – распорядился Салах.

Джамуд с готовностью протянул свой меч капитану и ободряюще хлопнул по плечу. Он считал его уже почти своим.

В программу любых воинских искусств обязательно входит обучение владению различным холодным оружием. Поэтому капитан привычно взялся за рукоятку грубо сработанного клинка и, повернувшись к противнику, отсалютовал ему мечом.

Не ответив на приветствие, тот кинулся в атаку. До последнего момента Павел стоял в расслабленной позе, опустив меч к земле. В последний миг воин перекинул меч из правой руки в левую и вместо рубящего удара сверху последовал колющий снизу в живот. Хитрый и подлый удар, рассчитанный на замешательство противника. Однако капитан слегка откачнул корпус с линии атаки, сделал шаг вперёд и перехватил на болевой кисть руки, сжимавшей меч. Локтём другой руки он с разворота заехал в висок незадачливому противнику.

В следующее мгновение Павел с двумя мечами в руках стоял над поверженным неприятелем. По толпе прошел гул одобрения. Джамуд самодовольно посмотрел на Салаха, словно это он только что одержал победу

Удивлённо приподняв бровь, Салах щёлкнул пальцами и указал на троих воинов:

–

Одного противника ему маловато, – вымолвил он. – Посмотрим, как он одолеет троих.

– Ему и троих будет мало, – проворчал Джамуд, вспомнив, как пахал носом песок.

Салах, взглянув на уверенного в своих словах десятника, поднял вверх руку и указал ещё на двоих зрителей. Те без слов присоединились к троим, готовившимся к схватке хазарам. Причём, Салах, зная своих людей, указывал на самых опытных и проверенных рубак.

Вокруг поглазеть на захватывающее зрелище собрался любопытный народ. Толпа, как дети, радовалась всякому развлечению, а что может быть интереснее горячего поединка, пока не придуман телевизор.

Капитан Горюнов воткнул в землю один из мечей и пошёл в круг. Толпа взвыла. Навстречу ему, умело окружая со всех сторон, двинулись противники. Павел, разминаясь, крутанул мечом вокруг себя. Словно крылья ветряной мельница, меч со свистом рассёк воздух. В глазах зрителей отражались солнечные зайчики, прыгающие с вертящейся стали.

Наступающие на него хазары переглянулись и ещё осторожнее стали сжимать круг. Капитан не стал дожидаться, пока его лишат манёвра, и сам начал атаку. Эффектно подпрыгнув, он с разворота смачно вlepил пяткой в ухо одному из нападавших и, пользуясь замешательством, оказался в образовавшейся прорехе между воинами. Сдвинул их лбами так, что оба повалились на землю.

«Три ноль», – подвёл итог Павел и, не давая оставшимся опомниться с мечом наперевес и криком «банзай» кинулся на них. Умело отведя острия их мечей в сторону, одного свалил ударом рукояти, а второй непонятным образом взвился вверх и бездыханно распластался на земле.

Победа была полной. Салах понял, что если бы этот необыкновенный боец пустил в ход оружие, на земле бы лежало не пять корчившихся от боли тел, а пять трупов.

Толпа в восторге бесновалась. Раздавались насмешки в адрес незадачливых поединщиков. Толком никто так и не понял, каким образом этот высоченный светловолосый чужак разделся с пятёркой неслабых бойцов.

– Видел, что он вытворяет! – восторженно обратился Джамуд к Салаху. – Оставь его в моём десятке.

– Зачем ему твой десяток, он сам как десяток. – У Салаха насчёт этого чужеземца родились планы.

– Подойди ко мне, воин. Как тебя называли твои сородичи? – Обратился он к Павлу.

– Зовут меня Павел, а роду-племени я славянского. По рождению же русский.

– Слышал я о твоём племени, но встречать твоих сородичей не доводилось, – произнёс сотник. – А что, все они в бою так же умелы, как и ты?

– И не приведи господь, родимец, – совсем чуточку пошутил капитан. – С нашим племенем лучше дружбу водить, чем драку затевать!

Павел окончательно утвердился в мысли, что раз этот хазар не встречал славян, то находится он во временах до Киевской Руси. Битвы русичей с хазарами ещё впереди.

– Прямо-таки и все? – не поверил Салах.

– Прозвище своё «славяне» мы получили за дела славные в ратях великих от врагов наших, – сам удивляясь напыщенности слога, проговорил капитан.

– А правда то, что ты был военным вождём?

– Да, – не моргнув глазом, ответил капитан. – Князем.

А сам подумал: «А были ли уже в то время князья? Ну и что, – решил он. – Чем выше звание, тем круче будет положение среди дикарей». Он хорошо представлял себе, что в то время красиво жили только отцы-командиры, да вожди и воеводы.

– Ну что же, – вынес свой вердикт Салах. – Пока останешься при мне, а там видно будет.

– Послушай, сотник, – с языка чуть не слетело «товарищ сотник». – У вас тут только драться заставляют, а пожрать, что-нибудь дадите, коль, как я понял, вы меня на службу берёте?

– Накормите коназа, – подозвал он одного из своих воинов. – А спать он будет в соседней повозке.

Он указал пальцем на одну из повозок, повернулся и не оборачиваясь ушёл.

Капитана Горюнова тут же окружили воины. Похлопывая по спине и плечам, потащили к костру. Там усадили на брошенное на землю седло и сунули ему в одну руку кусок зажаренного

на костре мяса, в другую – большую металлическую чашу и влили в неё из кожаного мешка что-то мутное.

Мясо оказалось непрожаренным и от того жёстким. Растирая его зубами, поневоле приходилось запивать пережёванное жутким на вид напитком, который после пробы оказался кумысом.

«Всё правильно, а что ещё могут пить степняки?» – подумал Павел.

Утолив голод, он тут же прислонил голову к седлу и заснул крепким богатырским сном.

9 глава

Липкая и тягучая паутина окутала его сознание. Он осознавал, что это всего лишь сон. Но в то же время, сон был слишком реален. Он посмотрел на свои руки – они были в крови. Огляделся вокруг, всё пространство до самого горизонта было завалено трупами. Каркали вороны, между павшими бродили какие-то тени. Всё это напоминало странные сюрреалистические картины, виденные им на полотнах сумасшедших художников.

Тут только до него дошло, что он наблюдает всё это лёжа на земле. Попытка подняться положительных результатов не принесла. И тогда он обнаружил, что лежит придавленный чьей-то тушей. Тщетные усилия скинуть с себя эту тушу ни к чему не привели. И он запаниковал. Но, как ни странно, в глубине сознания он ещё больше укрепился в мысли, что это сон, потому что чувство паники в реальной жизни ему было неизвестно.

К нему подошла фея. Но почему-то она была облачена в доспехи воина. И только когда она склонилась к нему своё лицо, у него перехватило дыхание. Это была она, неизвестная зелёноглазая воительница, уже навещавшая его в прошлых снах.

– Кто ты? – с трудом переведя дух, спросил он.

– Я твоя мечта, – коснулось губ её лёгкое дыхание.

Она положила ладонь на его голову и только теперь, обнаружив его бедственное положение, призывно махнула кому-то рукой. Подошли суровые воины, и освободили его от тяжкого груза, так больно давившего грудь. Павел поднял руку и протянул её к щеке девушки-мечте. Однако та отстранила его ладонь и поднялась на ноги:

– Ещё не время, – прошептали её губы, и девушка стала таять в лёгкой дымке его болезненного сознания.

– Ну почему же? – закричал он, уже понимая, что она не вернётся.

Павел открыл глаза и обнаружил, что он всё так же лежит у костра. Грудь и шея были влажными от пота. В голове стоял лёгкий туман. Вокруг костра о чём-то весело переговаривались его новые сослуживцы.

«Чёрт знает, что такое, – капитан никогда не был сентиментальным. – Всякая чертовщина лезет в голову, так недолго поверить во что угодно».

Он приподнялся и присел, опершись спиной о седло. Его внимание вновь привлекло зрелище наблюдаемое им ранее. Гора трупов выросла чуть ли не вдвое.

– Откуда столько погибших? – спросил он у соседа.

– Прошлой ночью гунны устроили вылазку, пожгли лагерь и побили наших воинов.

– А сколько там этих самых гуннов?

– Их там всего около двух сотен. Правда, это личные телохранители королевы Тины, и в плен они сдаваться не собираются.

– И что, их невозможно захватить?

– Захватить-то можно. Правда, положим людей в десятки раз больше, чем их там осталось. Они держат один-единственный проход в ущелье, войско не развернёшь.

– Не в этом дело, – перебил его другой воин. – Девчонка оскорбила кагана, и он решил заморить их голодом, чтобы она смирила свою гордыню и приползла к нему на коленях, вымаливая прощение.

– Это сам каган тебе докладывал? – ехидно сморщился щуплый хазарин.

– Сам не сам, но слышал, сотники между собой толковали, когда на посту стоял.

– Чем же эта королева провинилась перед каганом?

– Он захотел взять её в жёны, а она отказалась. После этого мы взяли страну на меч. Сейчас кагану осталось лишь протянуть руку, и плод упадёт в ладонь. Вот он и не торопится, – усмехнулся воин.

– Веская причина чтобы развязать бойню, – пробормотал капитан. – Просто потому, что женщина отказала.

Между тем рабы завершили свою работу. Затрубили рога, и хазарское воинство стало стягиваться к кострищу. Из кибитки вышел сотник и подозвал Горюнова к себе.

– Следуй за мной, Павлун, – он исковеркал на свой лад его имя. – Отныне я оставляю тебя при себе.

– Премного благодарен, ваше высокоблагородие, – вытянулся во фронт капитан.

Салах невольно вздрогнул и настороженно посмотрел на Павла. Тот понял, что немного перегнул палку:

– У нас на родине так к командиру обращаются.

Сотник молча повернулся и направился к общему сборищу. Капитан последовал за ним. Тёплый летний ветерок приятно освежал лицо.

В стороне от сваленных в кучу мёртвых тел, на площадке примерно шестьдесят на пятнадцать метров, было расчищено место, оно было аккуратно окопано по периметру неглубоким рвом.

– Послушай, – обратился Павел к одному из сопровождавших начальство десятников, – объясни ты мне, непутёвому, что здесь будет происходить? Обычаев ваших не знаю, а я на службе уже. Надо всему обучаться.

– Здесь сегодня ночью будет совершена тризна по погибшим воинам.

– Об этом я примерно догадывался, а поподробнее.

– Погибших воинов мы хороним в курганах. Видишь, приготовили место для кургана?

– Это где вперемежку с дровами лежат трупы?

– Нет, там павшие будут только сожжены, а затем их прах друзья и родственники перенесут вон на тот очищенный квадрат земли. Затем развеют его там. Ну, кто пожелает, может закопать его там же.

– А зачем на квадрате под прах ещё кострище?

– Ну, надо ведь место, где будут покоиться души воинов, очистить от злых духов и недобрых замыслов их врагов. Они погибли в бою и имеют право, переселившись в мир иной, на спокойную жизнь. А для того чтобы они могли отбиваться от самых злопамятных врагов с ними будет положено личное оружие. Также им там понадобятся рабы, чтобы вести их дела, и невольницы, чтобы улаживать лаской. Их должно быть по двое на каждого из героев.

– И что, их заживо сожгут? – передёрнулся Пашка.

– Да нет, – отмахнулся от докучливого собеседника кривоногий десятник. – Сначала их умертвят, а потом уж сожгут, – рассказчик отошёл в сторону.

Капитан понял, что замучил его расспросами. Рассказчику обрядов проще было парочку человек прирезать, чем прокручивать в тугих жерновах памяти крупицы знаний.

Более-менее поняв, что представляет собой разворачивающееся перед ним зрелище, Павел, почему-то вдруг, вспомнил об оставленных где-то в необозримом будущем друзьях и Татьяну.

Во, блин, хожу тут, первобытным пращурам морды бью, а мысли о том, что там дома творится, вообще из головы вылетели. Итак, прыгнув вслед за подельником Беса в подвал, я угодил в какое-то временное смещение. И в результате – здравствуйте, господа дикари.

Беса-то, надеюсь, взяли, я его надёжно зафиксировал. Интересно, меня искать кинулись уже или нет. Конечно, кинулись. От непоняток у ребят крыши точно посьезжают. Танюха... Эта точно всякую фигню начнёт про меня думать. Правильно люди говорят: мол «закрутился» на работе. Вот и я «крутанулся». А случись тут в бою погибнуть! Сожгут, как героя. И опять народ правду скажет: «Сгорел на работе»... Дома поищут, поищут, и объявят в розыск как без вести пропавшего. Тела нет, и дела нат. Финита ля комедия.

Вернулся капитан Горюнов на грешную землю от толчка в плечо.

– Ты что, уснул? – на него смотрел Салах

– Да нет, задумался о своей стороне-сторонке. Вспомнил – как у нас правят тризну по погибшим.

– Ночью будет весело, – ухмыльнулся сотник. Погибло около трёх сотен воинов и два полководца из ханского приближения. Воинов будем сжигать сегодня, а двое полководцев удостоятся особой чести через девять дней.

– А что, ханских нукеров погребают как-то иначе?

– Конечно, ведь своими деяниями они заслужили особого к себе отношения.

– А что ты подразумевал под весельем на похоронах?

– То, что хмельной напиток будет литься рекой. А перед тем, как шести сотням невольниц перережут горло, они будут услаждать своим телом всех желающих воинов. Так наши погибшие друзья поймут, что мы отправляем с ними самых красивых подруг.

Странные обычаи. Дикость, какая дикость! Неужели и мне до конца дней своих придётся участвовать в этих оргиях. Да весело живётся нашим предкам, ничего не скажешь. Ни тебе морали, ни тебе общественного порицания. Однако, дисциплина всё же была. Держалась она на культе кулака, на страхе перед неминуемой расплатой за проступки для современного человека совершенно непонятные. Причём все приказы выполнялись молниеносно и без пререканий.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.